

ISSN 3034-2945 (Print)
ISSN 3034-4212 (Online)

JUS STRICTUM

2025
№ 3

Jus strictum

Основан в 2010 г.

№ 3
2025

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, д. ф.-м. н., профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, д. ю. н., доцент

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, д. ю. н., доцент

Дежнев Александр Сергеевич, д. ю. н., доцент

Дуюнов Владимир Кузьмич, д. ю. н., профессор

Ирошников Денис Владимирович, д. ю. н., доцент

Кленова Татьяна Владимировна, д. ю. н., профессор

Лазарева Валентина Александровна, д. ю. н., профессор

Ланг Петр Петрович, д. ю. н., доцент

Муравьев Кирилл Владимирович, д. ю. н., доцент

Насонова Ирина Александровна, д. ю. н., профессор

Некрасов Александр Петрович, д. ю. н., профессор

Россинский Сергей Борисович, д. ю. н., профессор

Рябинина Татьяна Кимовна, д. ю. н., профессор

Субочев Виталий Викторович, д. ю. н., профессор

Суменков Сергей Юрьевич, д. ю. н., доцент

Трофимов Василий Владиславович, д. ю. н., доцент

Хужин Альфир Мисхатович, д. ю. н., доцент

До июня 2024 года журнал
выходил под названием
«Вектор науки
Тольяттинского
государственного
университета. Серия:
Юридические науки».

Включен в Перечень ВАК,
входит в РИНЦ,
Доступен в Crossref.

Зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (свидетельство
о регистрации
серия № ФС77-76950
от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический
редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020,
Россия, Самарская область,
г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14
Тел.: (8482) 44-91-74
E-mail:
vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт:
<https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать
26.09.2025.
Выход в свет 30.09.2025.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 5,2.
Тираж 25 экз. Заказ 3-282-25.
Цена свободная.

Адрес издателя, типографии:
Тольяттинский государственный
университет, 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, доктор юридических наук, доцент, директор Института юстиции,
профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова
(Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия).

Дежнев Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
(Омская академия МВД Российской Федерации, Омск, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Уголовное право и процесс»
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
(Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Ланг Петр Петрович, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса
(Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия),
судья (Арбитражный суд города Москвы, Москва, Россия).

Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент,
начальник научно-исследовательского центра
(Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
(Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Некрасов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
(Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия).

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
(Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
(Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственного регулирования
(Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Москва, Россия).

Суменков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры «Государственно-правовые дисциплины»
(Пензенский государственный университет, Пенза, Россия).

Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, доцент,
начальник Научно-исследовательского центра государственно-правовых исследований,
профессор кафедры теории и истории государства и права
(Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия).

Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права и процесса
(Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Современные проблемы правового регулирования популяции безнадзорных животных Латыпова Э.Ю., Гильманов Р.Э., Тухватуллина К.М.	7
Ответственность по гражданско-правовому договору при выборе способа защиты Маштаков И.В.	17
Предупреждение об уголовной ответственности: эффективная мера уголовно-процессуальной профилактики или пережиток прошлого? Россинский С.Б.	27
Сочетание императивного и диспозитивного начал в правовом регулировании договорных отношений на примере договора поставки товаров для государственных и муниципальных нужд Чуклова Е.В., Трифонов В.Н.	35
НАШИ АВТОРЫ.....	43

**Contemporary problems of legal regulation
of stray animal population**

Latypova E.Yu., Gilmanov R.E.,

Tukhvatullina K.M.7

**Liability under a civil contract
when selecting a method of defense**

Mashtakov I.V.17

**Notice of criminal liability:
an effective measure of criminal procedure prevention
or a relic of the past?**

Rossinskiy S.B.27

**Combination of mandatory and optional principles
in the legal regulation of contractual relations
on the example of a contract for the supply
of goods for state and municipal needs**

Chuklova E.V., Trifonov V.N.35

OUR AUTHORS.....43

Современные проблемы правового регулирования популяции безнадзорных животных

Латыпова Эльвира Юрьевна^{1,3}, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса

Гильманов Руслан Эдуардович^{1,4}, аспирант,

преподаватель кафедры теории и истории государства и права

Тухватуллина Катрин Марсовна^{2,5}, лаборант

кафедры уголовного права и процесса

¹Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева (ИЭУП), Казань (Россия)

²Нижекамский филиал Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязева (ИЭУП),
Нижекамск (Россия)

*E-mail: elatypova@ieml.ru

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7390-4962>

⁴ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-5959>

⁵ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5276-7705>

Поступила в редакцию 24.07.2025

Пересмотрена 05.08.2025

Принята к публикации 26.08.2025

Аннотация: Существующие методы контроля популяции бродячих собак, такие как стерилизация и вакцинация, часто не решают проблему агрессии животных. Предлагается пересмотр существующей правоприменительной практики в отношении жестокого обращения с животными, который призван установить баланс между защитой животных и обеспечением безопасности граждан. К сожалению, очень часто регистрируется агрессия безнадзорных животных в виде нападения бродячих собак на людей и иных домашних животных, что может причинить вред их здоровью и стать причиной смерти. Существующее решение проблемы предполагает формулу ОСБВ (отлов, стерилизация, вакцинация, возврат на место проживания), однако проблемы зооагрессии в таком случае не решаются, что подтверждает постоянный количественный рост безнадзорных животных и их нападений на людей. Присутствуют неточности в формулировках жестокого обращения с животными в уголовном и административном законодательстве. Выявлены пробелы в государственной политике по регулированию численности безнадзорных животных, включая недостаточное правовое регулирование ответственного обращения с животными. Сделан вывод, что наиболее оптимальным является регулирование численности безнадзорных животных путем безвозвратного отлова и возможности их усыпления при невостребованности. Подтверждается необходимость учета региональных особенностей при определении срока содержания безнадзорных животных в приютах. Полагаем, что необходима активная пропаганда ответственного обращения с животными среди несовершеннолетних и иных граждан и создание соответствующих федеральных и региональных программ во исполнение Федерального закона «Об ответственном обращении с животными».

Ключевые слова: регулирование популяции безнадзорных животных; ответственное обращение с животными; этическое обращение с животными; безнадзорные животные; агрессия животных; программа ОСБВ (отлов, стерилизация, вакцинация, выпуск); жестокое обращение с животными.

Для цитирования: Латыпова Э.Ю., Гильманов Р.Э., Тухватуллина К.М. Современные проблемы правового регулирования популяции безнадзорных животных // Jus strictum. 2025. № 3. С. 7–16. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-1.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос обращения с бродячими собаками является одним из наиболее значимых и неоднозначных в России на протяжении длительного периода времени. Одной из ключевых норм, регулирующих обращение с животными, является запрет на жестокое обращение с ними (ст. 245 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) и соответствующие статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

ях)¹. Однако в случае с безнадзорными собаками возникает вопрос: какие именно действия считаются жестокими, а какие – необходимыми для защиты общества? Общество стремится защитить права животных и предотвратить жестокость по отношению к ним. При этом очень часто апеллируют к принципу гуманизма [1] или этического отношения к животным [2], полагая, что сохранение жизни бродячей собаки – это и есть проявление гуманизма.

¹ Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Прокуратура Ставропольского края.
URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_26/activity/legal-education/explain?item=61163705.

Здесь возникает проблема, связанная с тем, что гуманизм в отношении бродячих животных часто приводит к обратной ситуации – бродячие животные нападают на человека, могут причинить вред его здоровью и даже смерть. По данным Роспотребнадзора, от укусов собаками в 2023 г. пострадали 238 318 чел., в 2024 г. – 237 751 чел. (162,51 чел. на 100 тыс. населения)².

В уголовно-правовых исследованиях проблема жестокого обращения с животными рассматривается через призму жестокого обращения с самими животными [3; 4], чаще сосредотачиваясь на уточнении содержания понятий «гибель», «увечье» или «вред здоровью» применительно к животным [5]. В ряде случаев указывается на проблемы и пробелы в воспитании подростков и несовершеннолетних [6] либо негативное влияние интернета и социальных сетей; также выделяется проблема наличия психических заболеваний у лиц, проявляющих жестокость к животным [7].

Позиция гуманного обращения с животными находит поддержку и на государственном уровне – принят Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ (далее – ФЗ «Об ответственном обращении с животными»), который многими исследователями оценивается положительно, однако не дает ответа на вопрос, что делать с постоянно увеличивающимся потоком бродячих животных.

При подготовке материалов для исследования нами были проанализированы нормативно-правовые акты, связанные с регламентацией обращения с животными, специальная литература, а также интернет-контент по данной проблематике. Использовался диалектический подход к познанию существующей реальности, сравнительно-правовой метод анализа различных источников правовых норм и контент-анализ информации, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Цель исследования – анализ современного состояния правового регулирования популяции безнадзорных животных и его эффективности.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование включало анализ с использованием диалектико-материалистического метода познания практического содержания понятия «ответственное отношение с животными» через обоснованное регулирование численности популяций безнадзорных животных. Сравнительно-правовой метод и критический анализ использовались при обосновании необходимости изменения принятого в современной государственной политике уменьшения попу-

ляции безнадзорных животных через программу ОСВВ (отлов, стерилизация, вакцинация, выпуск) на более обоснованный с научной, а именно биологической, позиции «безвозвратный отлов». Анализ судебной практики и информации, представленной в информационно-телекоммуникационных сетях, использовался для уточнения понимания понятия «жестокое обращение с животными», а также анализа агрессивного поведения животных в отношении людей через призму понимания принципа гуманизма как одного из принципов уголовного права. Формально-юридический и структурно-функциональный методы использовались для определения взаимосвязей и взаимозависимости изучаемых явлений, а также для обоснования «безвозвратного отлова» как наиболее эффективного механизма уменьшения популяции безнадзорных животных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Современное состояние эффективности правового регулирования популяции безнадзорных животных

П. 5 ст. 3 ФЗ «Об ответственном обращении с животными» определяет жестокое обращение с животным как «обращение с животным, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями, иными действиями), нарушение требований к содержанию животных, установленных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (в том числе отказ владельца от содержания животного), причинившее вред здоровью животного, либо неоказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии)».

При этом в п. 6 ст. 3 этого же ФЗ определяется, что «животное без владельца – животное, которое не имеет владельца или владелец которого неизвестен». Там же, в ст. 10, закрепляются «особые условия, обеспечивающие защиту людей от угрозы причинения вреда их жизни и здоровью животным». Однако, к сожалению, указания на содержание обращения с бродячими животными отсутствуют (требования имеются только для особенностей содержания животных их владельцами – а бродячие животные по определению не имеют владельца и требований к их содержанию, соответственно, также нет).

Показательным примером, демонстрирующим последствия недостаточного регулирования популяции бездомных собак, является ситуация, сложившаяся в районах Сибири. В конце марта 2025 г. администрация Новокузнецка объявила о введении трехмесячного режима экстраординарной ситуации. Его основанием послужил значительный рост обращений граждан, обеспокоенных проблемой своей защиты от агрессивных животных. Согласно информации, с начала года с укусами в медицинские учреждения обратились 233 чел., из них 109 укушены бродячими собаками. Кроме того, наблюдалась динамика увеличения заявок на отлов бродячих собак, поступивших в управление дорожно-коммунального хозяйства: 99 заявок в январе,

² Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации в 2024 году» // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=30171.

³ Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 № 498-ФЗ (последняя редакция) // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/.

158 – в феврале и 204 заявки в марте⁴. Полагаем, что в данном случае можно усмотреть элементы состава недобросовестного выполнения работ или оказания услуг в рамках ст. 238 УК РФ [8] со стороны местной администрации и служб коммунального хозяйства, однако зачастую они не могут справиться с количеством животных, поступающих в отлов, и не имеют достаточного количества мест в так называемых «приютах» для содержания бродячих животных либо имеют проблемы с их финансированием.

Возвращаясь к службам отлова, приведем пример. В 2019 г. в Мамадышском районе Татарстана по требованию прокуратуры было возбуждено уголовное дело об умерщвлении 529 собак под видом исполнения муниципальных контрактов, которые «предусматривали отлов, направление в приют, клинический осмотр, стерилизацию и вакцинацию животных с последующим возвратом в места обитания»⁵, однако вместо этого животным вводили препарат «Адилин-супер», вызывающий гибель животного от удушья при полном сохранении сознания. Уголовное дело возбуждалось по факту жестокого обращения с животными, однако подозреваемых в нем не было, и до суда оно не дошло. Не оспариваем, что причинение смерти в данном конкретном случае является негуманным, однако открытым остается вопрос о том, что было бы, если бы все эти собаки оказались на местах своего обитания, и насколько они были бы безопасными для людей. Отметим также, что факт редкой применяемости ст. 245 УК РФ на практике и того, что большинство заведенных дел не доходит до суда, отмечается и другими исследователями [3; 9].

Заметим, что Татарстан является лидером по числу зарегистрированных домашних собак, занимая второе место по России (уступая лишь Республике Алтай). Только в Казани зарегистрировано 7 277 собак, в целом по Республике – 44 777⁶. С января 2025 г. начали действовать новые правила регистрации домашних животных, в соответствии с которыми все собаки должны быть прочипированы, что позволит определить их владельца, а также получить дополнительную информацию о вакцинации, заболеваниях и т. п. С 1 июля 2025 г. за отсутствие регистрации предусматривается наказание – предупреждение или штраф в размере от 2 до 4 тыс. рублей, а за повторное нарушение – штраф в размере 5 тыс. рублей⁷. Согласимся с мнением, что «админист-

ративное регулирование содержания животных осуществляется не только в целях защиты самих животных от противоправных деяний, но и в целях обеспечения нормальных условий жизнедеятельности граждан, проживающих в непосредственной близости от животных, содержащихся в жилом секторе»⁸. Именно чипирование домашних животных многим исследователям представляется наиболее эффективным для определения принадлежности животного конкретному владельцу [10], так как чип практически невозможно подделать (только если изъять его с помощью хирургического вмешательства и поменять на другой – но в этом случае останутся следы такого вмешательства). Заметим, что ФЗ «Об ответственном обращении с животными» не содержит обязательного требования об их регистрации или санкции за отсутствие такой регистрации [11], по сути переадресуя данный вопрос субъектам Российской Федерации.

Приведем пример из судебной практики. Советским районным судом г. Казани будет рассмотрено уголовное дело, которым 77-летний владелец строительной базы привлекается по ст. 109 УК РФ за причинение смерти по неосторожности за то, что в ноябре 2024 г. 17 собак сбежали с территории базы на улице Мира, напали на 47-летнюю женщину и загрызли ее насмерть⁹. Происходящее попало на видеорекамеру. Проведенная генетическая экспертиза слюны животных и слюны с тела женщины подтвердила их идентичность. Собаки постоянно находились на территории стройбазы, владелец их периодически подкармливал, что послужило подтверждением обязанности осуществлять надзор за поведением собак и обязанности обеспечивать безопасность окружающих людей. Заметим, что хозяин стройбазы не считал себя владельцем данных собак. Прокуратура утвердила обвинительное заключение. Аналогичный смертельный случай после нападения стаи собак произошел 23 февраля 2025 г. в Ставрополе¹⁰. И эти случаи не единичны.

Программа ОСВВ и ее влияние на агрессивное поведение безнадзорных животных

Необходимость обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан напрямую пересекается с проблемой агрессивного поведения некоторых бродячих собак. Количество бродячих собак в городах остается высоким. Так, в Магадане плотность популяции безнадзорных собак в 2020 г. составляла до 102 особей на км² в жилой застройке и 32 особи на км² на промышленно-складской территории [12]. Конфликт особенно остро проявляется в ситуациях, когда меры по регулированию

⁴ В Новокузнецке введен режим экстраординарной ситуации // Официальный сайт администрации города Новокузнецка. URL: https://www.admnkz.info/news/13609/?sphrase_id=1455587.

⁵ В Татарстане по требованию прокуратуры возбуждено уголовное дело по факту отлова безнадзорных животных с нарушением закона // Прокуратура Республики Татарстан. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_16/search?article=48278134.

⁶ Более 44 тысяч собак получили официальный статус. Главное управление ветеринарии Кабинета министров Республики Татарстан // Главное управление ветеринарии Кабинета Министров Республики Татарстан. URL: <https://guv.tatarstan.ru/index.htm/news/2442236.htm>.

⁷ С 1 июля 2025 будет введена административная ответственность за нарушение требований содержания домашних животных // Главное управление ветеринарии Кабинета Министров Республики Татарстан. URL: <https://guv.tatarstan.ru/index.htm/news/2400198.htm>.

⁸ Пахомкин А.И. Животные как объект административно-правового регулирования // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых: материалы III Всероссийского конгресса. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. С. 209–212. С. 211. EDN: [ZDCHYK](https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_16/search?article=105837163).

⁹ Житель Казани предстал перед судом за причинение смерти по неосторожности // Прокуратура Республики Татарстан. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_16/search?article=105837163.

¹⁰ Прокуратурой организована проверка по факту нападения стаи собак на малолетнюю девочку // Прокуратура Ставропольского края. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_26/search?article=100992084.

численности и поведения бездомных животных оказываются неэффективными. Это обуславливается следующими факторами.

1. Стерилизация и вакцинация не снижают уровень агрессии. Эти процедуры направлены на снижение численности популяции, но не на изменение поведенческих характеристик отдельных особей. Агрессивные собаки остаются опасными даже после стерилизации.

2. Усиление ответственности владельцев домашних животных не предотвращает нападения бродячих собак. Меры по контролю над домашними питомцами важны, но они не решают проблемы, связанной с бездомными животными.

3. Традиционно считается, что основной причиной роста численности бездомных животных являлся отказ владельцев от своих питомцев, хотя более правильным будет предполагать совокупность разных условий (в числе которых самовыгул и размножение владельцев животных, а также размножение нестерилизованных бесхозных животных).

4. Одной из основных причин роста численности бездомных животных является отсутствие обязательной стерилизации животных, не представляющих породной ценности, в отсутствие обязательной регистрации всех домашних животных. Это способствует быстрому восстановлению популяции бездомных животных, несмотря на предпринимаемые меры по их сокращению.

5. Предложение законодательной регламентации деятельности питомников по разведению домашних животных (кошек, собак) является излишним и подменяет понятие «заводчик», под которым должно пониматься лицо, добровольно и ответственно занимающееся разведением собак/кошек одной (или нескольких) пород, вкладывающее свои знания и материальные средства для подбора лучших представителей определенной породы и ответственно относящееся к выбору владельцев для своих питомцев (их деятельность достаточно подробно регламентирована породными клубами и Российской кинологической федерацией (РКФ)¹¹, понятием «разводня» («плодильня»), когда лицо занимается разведением собак определенной породы (и даже беспородных или «дизайнерских» пород) только с целью получения выгоды, когда никакие специальные задачи по подбору лучших представителей, имеющих племенную ценность, не ставятся (и никакими общественными и иными организациями не регулируются).

6. Демографические процессы оказывают влияние на увеличение количества безнадзорных животных, как то: молодые семьи заводят животных, от которых избавляются с появлением ребенка; агрессия животного к ребенку; аллергия на животное; переезд владельца; смерть хозяина [9].

Исходя из этого, основной проблемой на сегодняшний день является то, что существующие методы контроля популяции бездомных собак, такие как стерилизация, вакцинация и возврат на место отлова, не изменяют агрессивное поведение собаки. Здесь мы умышленно не рассматриваем обратную проблему – агрессивное отношение человека к животным, в том числе собакам [13], как вариант девиантного поведения, ино-

гда свидетельствующего о психических проблемах у человека [7], так как это выходит за рамки нашего исследования.

Пробелы в государственной политике по регулированию численности безнадзорных животных исходя из программы ОСВВ

Согласно положениям ФЗ «Об ответственном обращении с животными», жестокое обращение с животными без владельцев не допускается (п. 2 ст. 17). Мероприятия по обращению с такими животными закреплены в ст. 18 указанного закона и предусматривают: «1) отлов животных без владельцев, в том числе их транспортировку и немедленную передачу в приюты для животных; 2) содержание животных без владельцев в приютах для животных...; 3) возврат потерявшихся животных их владельцам, а также поиск новых владельцев...; 4) возврат животных без владельцев, не проявляющих немотивированной агрессии, в прежние места их обитания...; 5) размещение в приютах для животных и содержание в них животных без владельцев, которые не могут быть возвращены на прежние места их обитания, до момента передачи их новым владельцам или наступления естественной смерти таких животных; 6) иные необходимые мероприятия». При этом применять вещества, лекарственные средства, способы, технические приспособления, приводящие к травмам или гибели животных, не допускается.

Однако нужно учитывать, что обычный владелец любой собаки является ее собственником (исходя из норм гражданского права) и имеет законное право «усыпить» смертельно больное животное или даже здоровое животное, которое просто ему по каким-либо причинам стало ненужным (что происходит достаточно часто). В отношении бесхозного животного такие действия в соответствии с федеральным законодательством невозможны, что, по нашему мнению, не всегда правильно. В случае нападения безнадзорного животного на человека применяется Постановление Правительства РФ от 03.11.2022 № 1980 «Об утверждении методических указаний по предотвращению причинения животными без владельцев вреда жизни или здоровью граждан»¹², передается ряд полномочий органам государственной власти субъекта РФ, проводится прокурорская проверка, возможно привлечение виновных лиц к уголовной ответственности. Так, Центральный районный суд г. Хабаровска привлек начальника управления ЖКХ администрации г. Хабаровска по ч. 2 ст. 293 УК РФ (халатность) за неисполнение с 2023 по 2024 г. контроля за деятельностью по отлову бродячих собак, в результате чего 35 человек пострадали, один погиб¹³.

¹² Постановление Правительства РФ от 03.11.2022 № 1980 «Об утверждении методических указаний по предотвращению причинения животными без владельцев вреда жизни или здоровью граждан» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090041?index=1>.

¹³ В Хабаровске началось рассмотрение уголовного дела в отношении сотрудника городской администрации, обвиняемого в халатности // Прокуратура Хабаровского края. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_27/search?article=101505405.

¹¹ Российская кинологическая федерация (РКФ) // Российская кинологическая федерация. URL: <https://rkf.org.ru/>.

Таким образом, можно констатировать, что временная формула ОСБВ не уменьшает количество безнадзорных животных и не влияет на уровень их агрессивности.

Эвтаназия как метод контроля популяции безнадзорных животных

В результате возникает ситуация, когда единственным эффективным средством обеспечения безопасности населения может стать эвтаназия тех особей, поведение которых не поддается действенной корректровке и которые продолжают представлять повышенную общественную опасность после возврата в естественную среду обитания. Такая мера также позволит освободить места в приютах для собак, обладающих большей способностью к адаптации и принятию в семьи благодаря своему более спокойному характеру.

Тем не менее подобные действия вызывают общественные разногласия и часто воспринимаются как нарушение законов о защите животных, подробно освещаются в средствах массовой информации, особенно в социальных сетях. Допустимость умерщвления безнадзорных животных «не урегулирована в России, что сохраняет актуальность проблемы умерщвления безнадзорных и иных домашних животных в отсутствие объективной необходимости этого» [14, с. 200–201]. Часто подобные действия воспринимаются как посягательство на общественную нравственность или морально-нравственные нормы. Однако морально-нравственные нормы и мораль имеют тенденцию отдаляться друг от друга, что приводит к противоречиям между моралью и правом [15]. Следовательно, возникает необходимость в пересмотре действующей правоприменительной практики в области трактовки нормы о жестоком обращении с животными [11; 16]. Аргументы в пользу такого пересмотра включают следующие факторы:

- оценка правомерности защитных действий. Мероприятия, направленные на защиту жизни и здоровья людей, не должны трактоваться как жестокое обращение, особенно если они осуществляются в условиях прямой угрозы нападения или в качестве превентивной меры. Например, наиболее остро эта проблема стоит в сельских районах, где стаи диких собак систематически нападают на домашний скот и детей;

- необходимость учета территориального инстинкта у собак. Главным образом он выражается в том, что животное «осваивает» какую-либо территорию и дальше стремится находиться на ней и защищать ее от чужаков. Даже в отсутствие непосредственного нападения демонстрация агрессивного поведения (например, защита территории) может представлять опасность для окружающих. Превентивные меры в таких ситуациях в ряде случаев также расценивались как жестокое обращение с животными, что нам представляется неверным.

Ситуация осложняется, когда граждане, не чувствуя себя в безопасности из-за агрессивных стай, прибегают к самостоятельным методам борьбы с ними. В последние годы отмечается увеличение случаев обнаружения отравленных приманок. Например, в парке «Кусково» (г. Москва) были обнаружены «мясные продукты с отравляющими веществами», что повлекло за собой вве-

дение запрета на выгул собак за пределами приютов, расположенных вблизи парковой зоны, и данные случаи распространены по многим регионам страны. Следует отметить, что жертвами подобных действий становятся не только бродячие животные, но и представители различных видов фауны, обитающие в данной местности, включая домашних кошек, птиц, мелкую скотину (бараны, козы) и пр.

Полагаем, что в случае выявления признаков общественной опасности (например, разбрасывание отравленных приманок около детских площадок) содеянное может квалифицироваться как административное правонарушение или преступление, в случае если указанные мероприятия не санкционированы соответствующими органами и направлены против неопределенного круга животных.

Постановление Правительства Кемеровской области «Об утверждении Порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельца» определило алгоритм действий, которые должны быть предприняты органами местного самоуправления и ветеринарными службами. Ключевые направления деятельности включают: усиление контроля за популяцией животных, источниками питания (ликвидацию свалок), проведение информационно-просветительской работы с населением, а также ежемесячную оценку эффективности принимаемых мер¹⁴. Однако режим экстраординарной ситуации (п. 1.3, 2.1 указанного постановления) предполагает массовое изъятие и умерщвление бродячих животных вне зависимости от степени их агрессивности. Тем не менее несмотря на то, что режим экстраординарной ситуации был введен в действие и имел признанные веские обоснования, эвтаназия животных не проводилась.

И это не первый такой прецедент. Ранее зоозащитники из Бурятии, первого региона, легализовавшего эвтаназию, обратили внимание на несоответствие данной практики федеральному законодательству и принципам гуманного обращения с животными¹⁵. Полагаем, что гуманизм в первую очередь направлен на сохранение благоприятного и безопасного режима существования именно человека, что должно отражаться в нормах уголовного законодательства [17; 18]. Дело дошло до Конституционного суда, который постановил, что противоречия отсутствуют, если речь идет об исключительных обстоятельствах: когда реализация иных мероприятий «объективно не может привести к разрешению ситуации»; при условии временного характера данной меры; при наличии разумного срока и условий для возможного обнаружения животного его владельцем. При этом Конституционный суд подчеркнул, что данное толкование норм Федерального закона является

¹⁴ Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса от 27.02.2025 № 90 «Об утверждении Порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельца» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4200202503030006>.

¹⁵ В Бурятии внесены изменения в законодательство по обращению с животными без владельцев // Республика Бурятия Официальный портал. URL: https://egov-buryatia.ru/press_center/news/detail.php?ID=183392&sphrase_id=130916235.

общеобязательным и исключает иные интерпретации¹⁶. Основаниями для умерщвления бездомных животных являются: 1) нападение на человека; 2) немотивированная агрессивность; 3) опасная болезнь; 4) прекращение непереносимых физических страданий нежизнеспособного животного. Однако, как видно из практики, окончательные правовые позиции по данному вопросу остаются в стадии формирования.

Представленные обстоятельства также подчеркивают необходимость учета региональной специфики при принятии нормативных актов на местном уровне. В Забайкалье, Приморском крае и других регионах России, где расстояния между населенными пунктами превышают 500 км, у бездомных собак ограничены источники питания, что будет неизбежно подталкивать их охотиться и совершать набеги на ближайшие поселения. В этих условиях нет возможности проводить реальную оценку численности собак. Эти факторы обуславливают целесообразность делегирования полномочий по регулированию численности животных на районный уровень, где ответственными за реализацию и принятие мер будут районный прокурор, глава администрации, ветеринары и другие компетентные лица. Однако на законодательно-правовом уровне необходимо обеспечить, чтобы данные меры не были истолкованы как жестокое обращение с животными, чтобы предотвратить препятствование реализации необходимых мер и не доводить ситуацию до критического уровня, как это было в Новокузнецке.

Состояние регулирования численности безнадзорных животных в европейских странах

Руководящим источником правового регулирования обращения с домашними животными в Европе является Европейская конвенция о защите домашних животных от жестокого обращения (ETS № 125)¹⁷, допускающая снижение количества бродячих животных путем усыпления. Показательным является тот факт, что бездомные собаки отсутствуют в Бельгии, Дании, Германии, Финляндии, Нидерландах, Норвегии, Швеции и Швейцарии. В Германии с 2002 г. права животных защищаются Конституцией¹⁸. Считается, что принципы уважения к животным являются частью общего культурного наследия государств – членом Совета Европы [19]. Однако, если рассматривать Европейские конвенции о защите животных (их пять по разным направлениям защиты), то Россия

не имплементировала их в свою правовую систему и не является участницей тематических соглашений [20].

Укажем, что в ряде европейских стран применяется основной метод регулирования численности безнадзорных животных – безвозвратный отлов и помещение в приюты, где животное содержится от пяти дней до двух недель, затем при невостребованности усыпляется. Три европейских страны (Германия, Греция и Италия) не допускают эвтаназию здоровых бездомных собак, требуя их пожизненного содержания либо передачи новым владельцам. В большинстве стран Европы (Армении, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Боснии и Герцеговине, Великобритании, Венгрии, Дании, Ирландии, Литве, Мальте, Нидерландах, Норвегии, Польше, Португалии, Сербии, Словении, Финляндии, Хорватии, Чехии, Швейцарии, Швеции, Эстонии) бездомных и безнадзорных животных подвергают эвтаназии по истечении определенного срока (в ряде случаев есть оговорка об агрессивности, старости или наличии тяжелых заболеваний; в Литве – в случае нехватки мест в приюте; в Беларуси – через 5 дней после отлова¹⁹; в Великобритании и Ирландии – через 7 дней; в Эстонии – через 14 дней и т. п.); при этом в трех странах (Албании, Молдове, Украине) умерщвление/эвтаназия отловленных собак происходит немедленно [21].

Методы контроля количества бездомных кошек в странах Европы более жестоки: в Албании, Армении, Азербайджане, Болгарии, Молдове и Украине практикуется уничтожение на месте (отстрел или отравы). В Бельгии и Греции практикуется только ОСВ (отлов, стерилизация и вакцинация), в остальных странах – комбинация указанных методов. В шести странах (Беларуси, Германии, Литве, Норвегии, Португалии, Эстонии) практикуется только отлов [21].

В половине европейских стран проводятся просветительские программы (в основном на муниципальном уровне), направленные на повышение уровня ответственности владельцев собак и кошек. В ряде стран владение животным является платным (регистрация обязательна), что также должно повысить уровень ответственности его владельца.

Полагаем, что вариант регулирования численности безнадзорных животных с выделением срока на подбор/поиск владельца является наиболее оптимальным, позволяя подобрать животному хозяев и исключая его последующую безнадзорность, в отличие от практикующегося сейчас в Российской Федерации возврата в места обитания, так как бирка в ухе собаки не гарантирует ее спокойное и неагрессивное поведение. Для уменьшения же количества усыпленных безнадзорных животных практически во всех европейских странах стимулируется и пропагандируется стерилизация владельческих животных.

О сроках содержания безнадзорных животных в приютах

Нужно учитывать, что по действующему гражданскому законодательству (ст. 231 Гражданского кодекса РФ) срок содержания найденных/пойманных домашних

¹⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2024 № 38-П по делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407190001>.

¹⁷ Европейская конвенция о защите домашних животных от жестокого обращения (ETS № 125) от 13.05.1987 // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901909693>.

¹⁸ Grundgesetz // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/gg>.

¹⁹ Закон Республики Беларусь от 01.04.2024 № 361-3 «Об ответственном обращении с животными» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12400361>.

животных составляет 6 месяцев, отведенных на поиск его предыдущих хозяев, после чего животное передается в собственность обнаружившего/приютившего его лица. Думается, что такой срок является оптимальным и не должен перерасти в пожизненное содержание безнадзорного животного в приюте, как практикуется в некоторых регионах. Однако сомневаемся в необходимости сокращения срока содержания безнадзорного животного до 30 или даже 10 дней (как было сделано в Бурятии), так как за этот срок найти старого или нового владельца может быть затруднительно.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 01.04.2024 № 361-З «Об ответственном обращении с животными», право собственности на найденное или ранее бесхозное животное возникает через один месяц с момента заявления о задержании безнадзорного животного. Однако считаем данный срок излишне коротким, и более правильным – срок в шесть месяцев, установленный Гражданским кодексом РФ, так как за этот срок владелец, потерявший своего питомца-компаньона, имеет полную возможность его найти. Должен соблюдаться запрет на хирургические манипуляции (например, стерилизацию) в отношении породных найденных животных, так как уже были случаи, когда «зоозащитники» в срочном порядке стерилизовали выставочных собак и кошек, убежавших от своих хозяев по недосмотру.

Необходимо учитывать, что идея сохранения жизни бездомных собак, даже находящихся в тяжелом состоянии здоровья (например, в случае получения травм в результате ДТП), очень часто становится поводом для вымогательства денег со стороны так называемых «волонтеров» (мы намеренно берем данное слово в кавычки, так как с деятельностью реальных волонтеров, которые помогают сохранять жизни бездомных собак, здесь аналогий нет), по сути являясь своеобразной формой мошенничества в сфере благотворительности²⁰.

Важно понимать, что зоозащита – это научно обоснованная система сохранения биологического разнообразия нашей планеты, которая основывается на понимании биологических законов. Как говорилось в видеорепортаже Тимофея Баженова, российского телевизионного журналиста, а также общественного и политического деятеля: «Если мы хотим, чтобы в этом мире жили и собаки, и кошки, и люди... мы должны регулировать численность травоядных и хищников, чтобы в искусственном мире искусственно поддерживался порядок»²¹. Наш антропогенный мир не может и не должен жить по законам естественного, так как, согласно ему, хищники охотятся на всех, на кого можно охотиться, в том числе и на людей. А собаки – хищники.

²⁰ Латыпова Э.Ю. Использование цифровых средств при совершении преступлений, совершаемых в отношении домашних животных // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. Т. 2. Казань: Познание, 2023. С. 157–161. EDN: [HADHPZ](#).

Латыпова Э.Ю. О способах мошенничества, совершенного в отношении домашних животных // Образование, воспитание и право в контексте глобальных вызовов: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Чувашский государственный университет, 2023. С. 439–444. EDN: [CMNNPO](#).

²¹ Видео Тимофея Баженова «вся правда о зоошизе» // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-120425689_815201.

Заметим, что безнадзорными животными могут являться не только собаки и кошки, но и иные животные. Так, постановлением Челябинского суда к безнадзорным животным были отнесены лошади, из-за которых произошло дорожно-транспортное происшествие, на которых не было чипов, тавра или иного опознавательного знака, и владелец которых не был установлен²². Соответственно, в данном случае формула ОСБВ будет применяться со значительными ограничениями.

В целях минимизации случаев жестокого обращения с животными, а также снижения количества безнадзорных животных необходимо пропагандировать ответственное обращение с животными и создавать соответствующие федеральные и региональные программы во исполнение ФЗ «Об ответственном обращении с животными», реализуя закрепленные в ст. 114 Конституции РФ полномочия Правительства РФ по воспитанию в обществе ответственного отношения к животным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Применяемая в настоящее время программа ОСБВ (отлов, стерилизация, вакцинация, возврат) не решает проблему агрессивного поведения отдельных особей, которые могут нападать на человека и обучать этому других членов своей стаи.

2. Мероприятия, направленные на защиту жизни и здоровья людей, не могут трактоваться как особо жесткие по отношению к агрессивному животному (если направлены на конкретное животное).

3. Оптимальным методом регулирования численности безнадзорных животных должен стать безвозвратный отлов, когда такое животное содержится в приюте не менее 6 месяцев, в течение которых пытаются найти ему прежних или новых хозяев, с последующим усыплением в случае невостребованности.

Предлагаемый пересмотр существующей правоприменительной практики в отношении жестокого обращения с животными призван установить баланс между защитой прав животных и обеспечением безопасности граждан. Важнейшими аспектами здесь являются учет территориального инстинкта собак, оценка целесообразности профилактических мер и признание необходимости эвтаназии в случаях, когда другие методы коррекции поведения оказываются неэффективными. Эти меры позволяют сократить количество опасных ситуаций, связанных с агрессивным поведением бездомных животных, одновременно создавая условия для более эффективного управления популяциями и улучшения условий содержания животных в приютах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Вестник Казанского юридического ин-

²² Решение № 2-407/2024 2-407/2024-М-200/2024 М-200/2024 от 5 сентября 2024 г. по делу № 2-407/2024 Аргаяшский районный суд (Челябинская область) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5jhF6zUHnJd/>.

- ститута МВД России. 2019. № 3. С. 355–360. DOI: [10.24420/KUI.2019.23.36.015](https://doi.org/10.24420/KUI.2019.23.36.015).
2. Бирючинская Т.А. О воспитании этичного отношения к животным // Вестник Оренбургского государственного университета. 2020. № 3. С. 6–11. DOI: [10.25198/1814-6457-226-6](https://doi.org/10.25198/1814-6457-226-6).
3. Аюпова Г.Ш. К вопросу о толковании отдельных объективных признаков состава жестокого обращения с животными // Полицейская и следственная деятельность. 2021. № 4. С. 39–52. DOI: [10.25136/2409-7810.2021.4.34787](https://doi.org/10.25136/2409-7810.2021.4.34787).
4. Карпов А.А., Никулина О.А., Головкин Р.Б. К вопросу об особенностях уголовно-правового регулирования ответственности за жестокое обращение с животными // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2021. № 4. С. 144–154. EDN: [IFIMFB](https://elibrary.ru/IFIMFB).
5. Шарапов Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1. С. 51–61. EDN: [DAISBN](https://elibrary.ru/DAISBN).
6. Сулейманова М.С. Анализ зарубежного законодательства в сфере уголовной ответственности за жестокое обращение с животными // Oeconomia et Jus. 2024. № 3. С. 77–86. DOI: [10.47026/2499-9636-2024-3-77-86](https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-3-77-86).
7. Латыпова Э.Ю., Клейн М.С., Гильманов Р.Э. Антропологические подходы к изучению преступности: история и современное состояние // Oeconomia et Jus. 2024. № 1. С. 95–109. DOI: [10.47026/2499-9636-2024-1-95-109](https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-1-95-109).
8. Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Уголовная ответственность за выполнение работ или оказание услуг в свете Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 УК РФ» // Oeconomia et Jus. 2020. № 2. С. 76–88. EDN: [DAISBN](https://elibrary.ru/DAISBN).
9. Русакова И.В. Влияние демографических процессов на численность безнадзорных животных в российских городах // Петербургская социология сегодня. 2017. № 8. С. 73–90. EDN: [ZWHOAB](https://elibrary.ru/ZWHOAB).
10. Власова Е.Л., Шабанов Р.Т., Весельев Д.А. Правовые аспекты регулирования безнадзорных животных: вызовы и решения в административном праве // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2. С. 30–42. EDN: [CROJTN](https://elibrary.ru/CROJTN).
11. Шамардин А.А. Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными»: оправдались ли надежды? // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 39. С. 73–80. EDN: [SCWQBK](https://elibrary.ru/SCWQBK).
12. Ямборко А.В., Киселев С.В. Учет численности безнадзорных собак на территории города Магадан // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2020. Т. 25. № 1. С. 68–75. DOI: [10.31242/2618-9712-2020-25-1-7](https://doi.org/10.31242/2618-9712-2020-25-1-7).
13. Балафендиев А.М., Рыбушкин Н.Н., Гарайшина Г.М. Нравственно-правовые и криминологические аспекты проблемы ответственности несовершеннолетних за жестокое обращение с животными // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 3. С. 49–53. EDN: [CGZGGM](https://elibrary.ru/CGZGGM).
14. Шабалина М.А. Проблемы правового регулирования обращения с безнадзорными животными в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 5. С. 198–227. DOI: [10.17323/2072-8166.2022.5.198.227](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.5.198.227).
15. Перепелкин В.И., Кузьмин Ю.А. Взаимоотношение морали и правосознания // Oeconomia et Jus. 2019. № 4. С. 47–52. EDN: [DELXTF](https://elibrary.ru/DELXTF).
16. Жолжаксынов Ж.Б. Уголовно-правовые меры предупреждения жестокого обращения с животными // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2020. № 4. С. 41–44. EDN: [DCUWJM](https://elibrary.ru/DCUWJM).
17. Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М., Абдуллина А.Е., Гильманов Р.Э. Влияние нравственно-моральных норм на содержание уголовно-правовых норм в Уголовном кодексе России // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 93–99. EDN: [TNHWSS](https://elibrary.ru/TNHWSS).
18. Алимов Д.А. Конституционно-правовой механизм обеспечения ответственного обращения с животными // Спутник высшей школы. 2023. № 4. С. 75–81. DOI: [10.55346/27825647_2023_4_75](https://doi.org/10.55346/27825647_2023_4_75).
19. Caporale V., Alessandrini B., Dalla Villa P., Del Papa S. Global perspectives on animal welfare: Europe // Revue Scientifique et Technique (International Office of Epizootics). 2005. Vol. 24. № 2. P. 567–577.
20. Цыганова С.И. Защита животных в Совете Европы и России: сравнительно-правовой анализ // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 6. С. 58–70. DOI: [10.34076/22196838_2022_6_58](https://doi.org/10.34076/22196838_2022_6_58).
21. Tasker L. Stray animal control practices: Europe. A report into the strategies for controlling stray dog and cat populations adopted in thirty-one countries. London: World Society for the Protection of Animals, 2007. 54 p.

REFERENCES

1. Latypova E.Yu., Nechaeva E.V. Controversial issues of the content of humanism in criminal law. *Bulletin of the Kazan law institute of MIA Russia*, 2019, no. 3, pp. 355–360. DOI: [10.24420/KUI.2019.23.36.015](https://doi.org/10.24420/KUI.2019.23.36.015).
2. Biryuchinskaya T.A. About raising an ethical attitude to animals. *Vestnik Orenburg State University*, 2020, no. 3, pp. 6–11. DOI: [10.25198/1814-6457-226-6](https://doi.org/10.25198/1814-6457-226-6).
3. Ayupova G.Sh. On the issue of interpreting particular constituent elements of cruelty to animals. *Police and investigative activity*, 2021, no. 4, pp. 39–52. DOI: [10.25136/2409-7810.2021.4.34787](https://doi.org/10.25136/2409-7810.2021.4.34787).
4. Karpov A.A., Nikulina O.A., Golovkin R.B. On the question of the peculiarities of criminal law regulation of responsibility for cruelty to animals. *Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service*, 2021, no. 4, pp. 144–154. EDN: [IFIMFB](https://elibrary.ru/IFIMFB).
5. Sharapov R.D. Criminal liability for animal cruelty. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2019, no. 1, pp. 51–61. EDN: [DAISBN](https://elibrary.ru/DAISBN).
6. Suleymanova M.S. Analysis of foreign legislation in the field of criminal liability for cruelty to animals. *Oeconomia et Jus*, 2024, no. 3, pp. 77–86. DOI: [10.47026/2499-9636-2024-3-77-86](https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-3-77-86).
7. Latypova E.Yu., Kleyn M.S., Gilmanov R.E. Anthropological approaches to the study of crime: history

- and current state. *Oeconomia et Jus*, 2024, no. 1, pp. 95–109. DOI: [10.47026/2499-9636-2024-1-95-109](https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-1-95-109).
8. Latypova E.Yu., Kirpichnikov D.V. Criminal liability for executing works or providing services in the light of the resolution of plenum of the supreme court of the Russian Federation dated June, 25 2019 № 18 “About court practice on crimes provided by Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation”. *Oeconomia et Jus*, 2020, no. 2, pp. 76–88. EDN: [DAISBN](https://elibrary.ru/DAISBN).
 9. Rusakova I.V. Influence of demographic processes on the number of homeless animals in Russian cities. *St. Petersburg Sociology Today*, no. 8, pp. 73–90. EDN: [ZWHOAB](https://elibrary.ru/ZWHOAB).
 10. Vlasova E.L., Shabanov R.T., Veselev D.A. Legal aspects of regulation of street animals: challenges and solutions in administrative law. *Nauchnyy daydzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2025, no. 2, pp. 30–42. EDN: [CRQJTN](https://elibrary.ru/CRQJTN).
 11. Shamardin A.A. The Federal Law “About responsible the treatment of animals”: did it meet your expectations? *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2019, no. 39, pp. 73–80. EDN: [SCWQBK](https://elibrary.ru/SCWQBK).
 12. Yamborko A.V., Kiselev S.V. Counting the number of stray dogs in Magadan. *Arctic and Subarctic Natural Resources*, 2020, vol. 25, no. 1, pp. 68–75. DOI: [10.31242/2618-9712-2020-25-1-7](https://doi.org/10.31242/2618-9712-2020-25-1-7).
 13. Balafendiev A.M., Rybushkin N.N., Garayshina G.M. Criminological aspect of the problem of responsibility of minors for animal cruelty. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2021, no. 3, pp. 49–53. EDN: [CGZGGM](https://elibrary.ru/CGZGGM).
 14. Shabalina M.A. Legal regulation of treatment of stray animals in Russia. *Law journal of the Higher School of Economics*, 2022, no. 5, pp. 198–227. DOI: [10.17323/2072-8166.2022.5.198.227](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.5.198.227).
 15. Perepelkin V.I., Kuzmin Yu.A. Interrelation of morality and legal consciousness. *Oeconomia et Jus*, 2019, no. 4, pp. 47–52. EDN: [DELXTE](https://elibrary.ru/DELXTE).
 16. Zholzhaksynov Zh.B. Criminal Legal Measures or Preventing Cruel Treatment of Animals. *The Bulletin of the law enforcement academy*, 2020, no. 4, pp. 41–44. EDN: [DCUWJM](https://elibrary.ru/DCUWJM).
 17. Latypova E.Yu., Gilmanov E.M., Abdullina A.E., Gilmanov R.E. The influence of moral norms on the content of criminal law norms in the Criminal Code of Russia. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2022, no. 1, pp. 93–99. EDN: [TNHWSS](https://elibrary.ru/TNHWSS).
 18. Alimov D.A. Constitutional and legal mechanism for ensuring responsible treatment of animals. *Higher School Sputnik*, 2023, no. 4, pp. 75–81. DOI: [10.55346/27825647_2023_4_75](https://doi.org/10.55346/27825647_2023_4_75).
 19. Caporale V., Alessandrini B., Dalla Villa P., Del Papa S. Global perspectives on animal welfare: Europe. *Revue Scientifique et Technique (International Office of Epizootics)*, 2005, vol. 24, no. 2, pp. 567–577.
 20. Tsyganova S.I. Animal protection in the council of Europe and Russia: a comparative legal analysis. *Electronic supplement to Russian Juridical Journal*, 2022, no. 6, pp. 58–70. DOI: [10.34076/22196838_2022_6_58](https://doi.org/10.34076/22196838_2022_6_58).
 21. Tasker L. *Stray animal control practices: Europe. A report into the strategies for controlling stray dog and cat populations adopted in thirty-one countries*. London, World Society for the Protection of Animals Publ., 2007. 54 p.

UDC 343.58

doi: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-1

Contemporary problems of legal regulation of stray animal population

Elvira Yu. Latypova^{1,3}, PhD (Law), Associate Professor,

Head of Chair of Criminal Law and Procedure

Ruslan E. Gilmanov^{1,4}, postgraduate student,

lecturer of Chair of Theory and History of State and Law

Katrin M. Tukhvatullina^{2,5}, department assistant

at the Chair of Criminal Law and Procedure

¹Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan (Russia)

²Nizhnekamsk branch of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Nizhnekamsk (Russia)

*E-mail: elatyova@ieml.ru

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7390-4962>

⁴ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-5959>

⁵ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5276-7705>

Received 24.07.2025

Revised 05.08.2025

Accepted 26.08.2025

Abstract: Existing methods of controlling the stray dog population, such as sterilization and vaccination, often do not solve the problem of animal aggression. The authors propose to revise the existing law enforcement practice regarding animal cruelty, which is designed to establish a balance between protecting animals and ensuring the safety of citizens. Unfortunately, very often, aggression of stray animals in the form of stray dogs attacks on people and other domestic animals is recorded, which harms their health and can lead to death. The existing solution to the problem involves the CNVR formula (catch–neuter–vaccinate–return to the place of residence), but the problems of zooaggression are not solved in this case, which is confirmed by the constant quantitative growth of stray animals and their attacks on people. There are

inaccuracies in the wording of animal cruelty in criminal and administrative legislation. Gaps in the state policy on regulating the number of stray animals, including insufficient legal regulation of responsible treatment of animals, are identified. The authors conclude that the most optimal way to regulate the number of stray animals is by means of irretrievable capture and the possibility of their euthanasia in the case of their being unwanted. The need to take into account regional characteristics when determining the period of keeping stray animals in shelters is confirmed. We believe that it is necessary to promote actively responsible treatment of animals among minors and other citizens and to create appropriate federal and regional programs in pursuance of the Federal Law "On responsible treatment of animals".

Keywords: regulation of stray animal population; responsible treatment of animals; ethical treatment of animals; stray animals; animal aggression; CNVR (catch–neuter–vaccinate–return) program; animal cruelty.

For citation: Latypova E.Yu., Gilmanov R.E., Tukhvatullina K.M. Contemporary problems of legal regulation of stray animal population. *Jus strictum*, 2025, no. 3, pp. 7–16. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-1.

Ответственность по гражданско-правовому договору при выборе способа защиты

Маштаков Игорь Владимирович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент департамента частного права

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: zavet4@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3797-9158>

Поступила в редакцию 22.08.2025

Пересмотрена 08.09.2025

Принята к публикации 12.09.2025

Аннотация: Общие и специальные положения Гражданского кодекса РФ об отдельных видах договоров позволяют обнаружить последовательный подход законодателя к установлению механизма применения защиты нарушенного по договору права. Среди конкретно указанных законодателем способов защиты усматриваются традиционные меры гражданско-правовой ответственности. Отмечено, что законодатель не отводит им главную роль в механизме реализации защиты нарушенного по договору права. Поэтому с помощью формально-юридического метода исследования, методов системного и сравнительного анализа в работе предпринята попытка выявить функциональное предназначение возможных к применению мер ответственности по договору в рамках реализации предусмотренных законом способов защиты. Исследование позволило понять замысел законодателя не призывать стороны договора к его прекращению с обязательным применением мер ответственности. Мера ответственности по договору характеризуется как дополнительный, превентивный, восстановительный (или пресекающий) способ защиты, что позволяет отличать его от иных предусмотренных законом способов, не квалифицируемых как ответственность. Сделан вывод, что применение меры ответственности за нарушение договора является добровольной или в большей мере вынужденной реакцией его стороны на ненадлежащее поведение своего контрагента. Выбор в пользу применения к последнему меры ответственности как способа защиты своего нарушенного по договору права не является самоцелью и обусловлен в первую очередь желанием сторон сохранить и продолжить договорные отношения.

Ключевые слова: ответственность по гражданско-правовому договору; выбор способа защиты; нарушение договора; мера ответственности; убытки; неустойка; реальное исполнение; исполнение в натуре; восстановление положения; пресечение действий.

Для цитирования: Маштаков И.В. Ответственность по гражданско-правовому договору при выборе способа защиты // Jus strictum. 2025. № 3. С. 17–25. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-2.

ВВЕДЕНИЕ

Институт гражданско-правовой ответственности вызывает интерес в исследовании специфики его применения в различных сферах гражданского оборота. Поскольку главным правовым инструментом такого оборота является гражданско-правовой договор, то представляется актуальным рассмотреть некоторые особенности применения к сторонам договора мер ответственности за его нарушение. Данные особенности связаны с тем обстоятельством, что определенные наукой гражданского права меры ответственности [1; 2] закон декларирует как способы защиты нарушенного субъективного гражданского права в целом (ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)). Поэтому в рамках исследований отдельных проблем применения мер ответственности за нарушение договора авторам приходится учитывать соотношение данных мер со способами защиты [3; 4]. Кроме того, некоторые исследователи обращают внимание на соотношение конкретных способов защиты с конкретной мерой ответственности [5; 6].

Наше внимание в первую очередь привлек законодательный подход в установлении механизма обращения

сторон договора к самой возможности прибегнуть к применению меры ответственности. Законодатель в этом вопросе проявляет не случайную последовательность, предлагая сначала возможные способы защиты, не связанные с ответственностью, а потом указывая непосредственно на меры ответственности. В юридической литературе этот подход законодателя характеризуется как альтернатива при выборе способа защиты нарушенного по договору права [7]. Выбор же в пользу применения конкретных мер ответственности зачастую является вынужденным последствием отказа стороны от договора [8] или возникшего желания его расторгнуть из-за существенного нарушения другой стороной [9].

Обратив внимание на законодательный подход, устанавливающий приоритет реального исполнения договорного обязательства при выборе способов защиты нарушенного по договору права, мы попытались определить, какое место в перечне таких способов занимают те из них, которые характеризуются как меры ответственности, особенно возмещение убытков и взыскание неустойки, какого договорного эффекта от их применения могут достигнуть стороны договора. Для краткости обозначения сторон договора мы будем использовать

выражение «потерпевшая сторона» – сторона договора, в отношении которой допущено нарушение другой стороной (контрагентом), и «сторона-нарушитель» – сторона договора, допустившая такое нарушение.

Цель исследования – анализ положений гражданско-го законодательства, позволяющих определить роль и значение применения мер ответственности как способов защиты нарушенного по договору права.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе нашего исследования применялся формально-юридический метод, позволяющий обнаружить отношение законодателя к установлению правового механизма для выбора потерпевшей стороной конкретного способа защиты ее нарушенного права. Этот же метод позволил дать оценочную характеристику мерам ответственности за нарушение договора.

Метод системного анализа применялся при исследовании установленных законом способов защиты нарушенного по договору права в совокупности с мерами ответственности. Такой системный подход помог выявить некоторую предписываемую законодателем последовательность при выборе эффективного способа защиты нарушенного по договору права.

Метод сравнительного анализа был полезен при определении функционального назначения меры ответственности за нарушение договора по сравнению с другими, первоочередными способами защиты. С помощью данного метода исследования выявлены некоторые отличия меры ответственности от стандартного способа защиты нарушенного по договору права.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках проведенного исследования мы пришли к следующим результатам.

Во-первых, специфика гражданского оборота такова, что когда участие в нем происходит с помощью его главного правового инструмента – гражданско-правового договора, то закон наделяет участников эффективными гражданско-правовыми средствами осуществления своих прав по договору и способами защиты на случай их нарушения, которые позволяют сторонам договора думать не о скорейшем его расторжении, а о возможных вариантах его сохранения. Таким образом, закон позволяет потерпевшей стороне оперативно воздействовать на контрагента-нарушителя, предупреждая его о своем возможном выходе из договора и наступлении для нарушителя еще более неблагоприятных имущественных последствий, чем те, которые нарушитель договора уже претерпел по ходу реализации договорной программы. Одно дело – заплатить неустойку за просрочку исполнения по договору и этим ограничиться, надлежаще исполняя свои обязанности в дальнейшем, а другое дело – лишиться контрагента совсем и понести еще большие имущественные потери, связанные с полным возмещением убытков. Допускаемая законом комбинация или вариация применения различных предусмотренных способов защиты от ненадлежащего поведения контрагента по договору позволяет потерпевшей стороне балансировать на грани сохранения договорных отношений и их прекращения. Такая ком-

бинация (вариация) возможна благодаря альтернативному подходу законодателя к ситуации, когда у сторон договора есть право выбора способа защиты с одновременным или только последующим применением мер гражданско-правовой ответственности. Закон не навязывает применение меры ответственности по договору и не призывает стороны к обязательному ее воплощению.

Во-вторых, положения гражданского законодательства об отдельных видах договоров построены и сформулированы таких образом, что потерпевшая сторона как бы должна обратить свое внимание в первую очередь на тот набор способов защиты своего нарушенного права, который связан с принуждением контрагента-нарушителя к реальному исполнению своих обязанностей – исполнению обязательства в натуре. Предоставленный законом первоначальный набор (арсенал) способов защиты ставит потерпевшую сторону перед выбором такого способа, который в данный момент наиболее целесообразен, эффективен и быстро реализуем по времени. Поэтому потерпевшая сторона сама для себя оценивает возможные последствия применения того или иного способа защиты и определяет степень необходимости применения такого способа защиты, как мера ответственности. Последнюю возможно применять как сопутствующий способ защиты по ходу исполнения договора, так и логично напрашивающийся по ходу его расторжения (прекращения).

Закон призывает к общему соблюдению баланса интересов обеих сторон договора на случай его нарушения кем-либо из них, поэтому не забывает для стороны-нарушителя предусмотреть возможность применять оперативные меры, направленные на устранение последствий нарушения и упреждающие возможное наступление ответственности за такое нарушение. Таким образом, выбор и реализация потерпевшей стороной конкретного способа защиты вступают в необходимое взаимодействие с правом выбора нарушителем способа исполнения предъявляемого к нему требования. Выбор последнего может оказывать непосредственное влияние на формирование желания потерпевшего применить меры ответственности.

В-третьих, роль и значение такого способа защиты нарушенного по договору права, как применение к стороне-нарушителю меры ответственности, удастся выяснить, только если правильно понимать сам подход законодателя, устанавливающего правила и условия ее применения. Закон предоставляет право, но не обязывает применить меру ответственности. Нормы ГК РФ об отдельных видах гражданско-правовых договоров в первую очередь широко и последовательно расписывают для потерпевшей стороны все возможные способы защиты, которые направлены на реальное исполнение договора. Применение же меры ответственности законом предлагается как дополнительный (вспомогательный) способ защиты, возможный к реализации как по ходу выполнения сторонами договорной программы, так и последовательно после вынужденного расторжения договора (отказа от него). Мера ответственности по договору применяется также с целью пресечения действий, нарушающих договор или создающих угрозу его нарушения, что позволяет говорить о пресекательном, а также превентивном (воспитательном) характере такого способа защиты, чем в особенности проявляет себя

неустойка. Главная характеристика меры ответственности по договору как восстановительного (компенсационного) способа защиты вытекает из аналогичной функции не только самого института гражданско-правовой ответственности, но и всей отрасли гражданского права.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Альтернативный подход законодателя

Гражданское законодательство предоставляет потерпевшей стороне достаточно широкий выбор способов защиты своего нарушенного права. При этом цель законодателя состоит в том, чтобы обеспечить потерпевшую сторону такими способами защиты, которые в первую очередь направлены на сохранение договора в юридической силе, без отказа от него. Таким известным способом защиты, например, по договору купли-продажи, является право покупателя на отобрание индивидуально-определенной вещи у продавца, если последний не исполняет свою главную обязанность по передаче этой вещи покупателю (п. 2 ст. 463 и ст. 398 ГК РФ). Но если покупатель не заинтересован в реализации своего права на отобрание вещи, то п. 1 ст. 463 ГК РФ предоставляет ему право на отказ от договора купли-продажи. Отказ от договора – это общеупотребляемый в гражданском обороте сторонами договора способ защиты своего нарушенного по договору права.

ГК РФ изобилует нормами о праве стороны договора отказаться от него на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения другой стороной закрепленных за ней обязанностей. Такой отказ от договора сопровождается возможностью отказывающейся стороны реализовать свое право на возмещение убытков [10]. В общем виде реализация такого права при расторжении договора предусмотрена п. 5 ст. 453 ГК РФ, если основанием расторжения договора стало существенное нарушение его условий одной из сторон. В приведенном ранее примере с договором купли-продажи вполне очевидно, что неисполнение продавцом своей обязанности по передаче товара покупателю подпадает именно под характеристику существенного нарушения. Однако для реализации своего права на отказ от договора потерпевшая сторона не обязательно может быть озабочена именно такой характеристикой нарушения (например, п. 4 ст. 503 ГК РФ). Более того, общее правило о возмещении убытков при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства (п. 1 ст. 393 ГК РФ) не привязывает возможность осуществления права на их возмещение именно к существенному нарушению обязательства, делая только оговорку о том, что такая привязка может быть предусмотрена законом (например, п. 2 ст. 475 ГК РФ). Если же она специально законом не предусмотрена, то право на возмещение убытков по договору не обязательно может быть связано с его существенным нарушением или нарушением вообще (например, ст. 717, 782 ГК РФ).

Таким образом, альтернативный подход законодателя к выбору способа защиты предоставляет потерпевшей стороне возможность прибегнуть сначала к такому из них, который в той или иной степени поможет восстановить утраченное имущественное положение этой стороны или поможет восстановить соблюдение ее за-

конных интересов (например, п. 1 ст. 475 ГК РФ). Набор таких способов защиты, как правило, не относится с теоретической точки зрения к положениям гражданского законодательства о наступлении гражданско-правовой ответственности для нарушившей договор стороны (например, ст. 511, 518, 519 ГК РФ). Но у потерпевшей стороны на случай, если данные первоначальные способы защиты не принесут удовлетворительного для нее результата, есть право прибегнуть к такому способу защиты, который может закончиться наступлением гражданско-правовой ответственности для другой стороны договора (например, ст. 520, 524 ГК РФ). Разумеется, речь идет о такой универсальной мере гражданско-правовой ответственности, как возмещение убытков [11].

Альтернатива для потерпевшей стороны заключается в том, что даже существенное нарушение договора другой стороной не заставляет первую сторону сразу прибегать к отказу от договора и требованию о возмещении убытков, а предоставляет возможность использовать другие способы защиты, позволяющие сторонам сохранить договорные отношения (например, п. 2 и 3 ст. 611 ГК РФ). Следует обратить внимание на то, что требование о возмещении убытков может быть предъявлено как при сохранении договора в силе, так и при его расторжении. Если, например, арендатор использовал свое право на защиту по ст. 398 ГК РФ, опираясь на п. 3 ст. 611 ГК РФ, то он может не ограничиться этим и возложить на арендодателя ответственность за просрочку передачи объекта аренды. Цель арендатора в этом случае – сохранить договор аренды, продолжить договорные отношения и одновременно показать арендодателю, что он не будет просто так терпеть его ненадлежащее поведение. Если же арендатор принял для себя решение не продолжать договорные отношения с таким контрагентом, то он требует расторжения договора и возмещения убытков. Таким образом, законодатель предоставляет потерпевшей стороне не только выбор, но и время для такого выбора (разумный срок), наделяя ее правом, не прекращая договорные отношения, применить меру гражданско-правовой ответственности к стороне-нарушителю. Применение такой меры в большей степени носит предупреждающий (превентивный) характер. Законодатель как бы призывает потерпевшую сторону не спешить с выводами, подождать, предупредить контрагента, показать ему невыгодность его ненадлежащего поведения, как уже случившегося, так и еще возможного [12]. Но если у потерпевшей стороны нет желания запастись терпением, то законодатель указывает ей направление в сторону прекращения договорных отношений с неисправным контрагентом. Применение меры ответственности в таком случае будет носить уже восстановительный (компенсационный) характер.

Законодатель не ограничивается предоставлением возможности потерпевшей стороне взыскать с нарушителя только убытки. Как в общем порядке (ст. 12, 330, 394, 396, 431.2, п. 5 ст. 434.1 ГК РФ), так и в специальных положениях (например, ст. 505, 521, 622) наряду с убытками или совсем без них закреплено право потерпевшей стороны прибегнуть к выбору такой меры ответственности, как взыскание неустойки. Очевидно, что по договору розничной купли-продажи покупателя в большей мере интересует такой способ защиты своего нарушенного права, как понуждение к исполнению

обязательства в натуре, а прибегать к неустойке и возмещению убытков он, конечно, вправе, но не обязан.

Не стоит забывать и о таких мерах гражданско-правовой ответственности, как потеря задатка или его взыскание в двойном размере (п. 2 ст. 381 ГК РФ), ведь и здесь законодатель не обязывает потерпевшую сторону непременно оставить у себя потерянный нарушителем задаток или требовать его возврата в двойном размере. С целью сохранения договорных отношений потерпевшей стороне может быть выгоднее не применять правила п. 2 ст. 381 ГК РФ и предложить варианты применения иных способов защиты прав и законных интересов обеих сторон договора.

В отдельных случаях, предусмотренных законом, у потерпевшей стороны есть право на применение такой меры ответственности, как компенсация морального вреда. Например, это право предоставлено туристу на основании ст. 6 Федерального закона от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», а также в общем порядке любому гражданину-потребителю на основании ст. 15 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей». Нетрудно заметить, что потребителя в указанных случаях интересует прежде всего такой способ защиты, как восстановление утраченного имущественного положения, и только как дополнительный способ защиты – денежная компенсация за перенесенные нравственные и физические страдания [13].

Выбор способа защиты стороной по договору

Прибегать к применению меры ответственности за нарушение договора – это право потерпевшей стороны. Законодатель не обязывает потерпевшую сторону непременно использовать именно такой способ защиты своего нарушенного права, как привлечение контрагента к ответственности. Воля и интерес потерпевшей стороны основаны на соблюдении принципов добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 и 3 ст. 1, п. 2 ст. 6, п. 2 ст. 10 ГК РФ). Более того, на кредитора (потерпевшую сторону) закон возлагает обязанность принимать разумные меры по уменьшению убытков, причиняемых ему должником – стороной-нарушителем, а также запрещает содействовать увеличению размера таких убытков (п. 1 ст. 404 ГК РФ).

Выражение законодателя «вправе по своему выбору» во многих положениях об отдельных видах договоров (например, ст. 475, 503, 518, 557, 612, 723, 737, 739 ГК РФ) предоставляет возможность потерпевшей стороне воспользоваться именно таким способом защиты своего нарушенного права, который на данный момент ей наиболее удобен, более выгоден, является менее затратным по времени. Например, на осуществление своего права на замену части товара, переданного покупателю в ассортименте, не соответствующем условиям договора купли-продажи, покупатель может затратить много времени. Поэтому он может воспользоваться своим правом отказаться от этой части товаров, отказаться от всех переданных ему товаров или принять все переданные ему товары (п. 2, 3 ст. 468 ГК РФ). Те способы защиты нарушенного права покупателя, которые связаны с тем или иным его мотивированным отказом, вероятнее всего приведут к дополнительным имущест-

венным обременениям в отношении продавца (мерам ответственности за нарушение), поскольку покупателю невыгодно мириться с потерями по договору, вызванными недополучением соответствующего ассортимента количества товара или его вынужденным неполучением вообще вследствие отказа от него полностью [14]. А вот если покупатель принимает все или только часть товаров, не соответствующих условиям договора об ассортименте, то ситуация сглаживается волей и интересом покупателя, последствия нарушения продавца в этом случае нейтрализуются; таков выбор покупателя, на которого теперь уже возлагается обязанность оплатить принятый им товар (п. 5 ст. 468 ГК РФ).

Не стоит забывать, что в отдельных случаях закон предоставляет встречный выбор и самому нарушителю по договору – незамедлительно, скорейшим образом исправить ситуацию так, как будто никакого нарушения с его стороны не было (например, п. 1 ст. 518, п. 1 ст. 519, п. 4 ст. 565, абз. 6 п. 1 ст. 612, п. 2 ст. 693 ГК РФ). Таким образом, законодатель, наделяя правом выбора способа защиты своего нарушенного права одну сторону договора, обуславливает реализацию такого выбора возможностью оперативного вмешательства в ситуацию другой стороны договора, предоставляя последней возможность реализовать сначала свой выбор. Этот выбор заключается в том, что сторона-нарушитель может предупредить потерпевшую сторону в предъявлении к ней требований по защите ее нарушенного права, поскольку сама осознает характер и масштабы своего нарушения, готова оперативно восстановить утраченное имущественное положение своего контрагента по договору: без промедления заменить поставленные некачественные товары качественными, некомплектные – комплектными или докомплектровать их, передать недостающее в составе предприятия имущество, заменить объект аренды ненадлежащего состояния на надлежащий, заменить неисправную вещь по договору ссуды на исправную и т. п.

Незамедлительный характер реагирования стороны-нарушителя продиктован быстротечностью наступления неблагоприятных имущественных последствий для потерпевшей стороны. Смысловое содержание термина «без промедления», используемого законодателем для таких случаев, конечно же, носит оценочный характер для каждой конкретной ситуации в рамках обусловленной сторонами программы исполнения конкретного договора. Чем быстрее отреагировал нарушитель, тем больше уверенности в том, что его действия следует квалифицировать как совершенные без промедления. Таким образом, закон сталкивает реализацию права на защиту потерпевшей стороны с реализацией права на ответную защиту стороны-нарушителя [15]. Смысл защиты стороны, нарушившей условия договора, состоит в том, что нарушитель пытается избежать негативной реакции потерпевшей стороны, загладить свою вину, рассчитывая на прощение со стороны контрагента.

Более того, иногда закон предоставляет право выбора нарушителю по договору, не обязывая его реагировать на такое нарушение незамедлительно (например, п. 2 ст. 723 ГК РФ). То есть если подрядчику предъявлено конкретно требование о безвозмездном устранении недостатков в результате выполненной работы, то у него есть право выбора заменить саму процедуру

исправления таких недостатков безвозмездным выполнением работы заново. Само существо и характер подрядных работ позволяет подрядчику диктовать свою волю заказчику в выборе способа исправления таких недостатков, поскольку положительный эффект от заново выполненной работы может быть выше, нежели от попыток исправления ее недостатков. В описанной нами ситуации заказчик изначально сделал свой выбор способа защиты нарушенного права, но его выбор наталкивается на выбор подрядчика. Тем самым закон устанавливает баланс между сторонами договора в возможностях реализации своего права на защиту от другой стороны. Очевидному и первоочередному праву заказчика на защиту от нарушения со стороны подрядчика противостоит встречное право последнего защищать свои интересы по договору – право выбора способа исполнения предъявленного заказчиком требования.

В рассмотренных нами примерах осуществление основного способа защиты нарушенного права потерпевшей стороной направлено в первую очередь на реализацию принципа реального исполнения обязательства – исполнения обязательства в натуре [16]. Но закон наделяет потерпевшую сторону также правом и возможностью применить к нарушителю меру гражданско-правовой ответственности. Мы уже указывали на то обстоятельство, что для потерпевшей стороны является обычным делом применять меру ответственности к стороне-нарушителю на случай вынужденного прекращения договорных отношений, как правило, вследствие мотивированного отказа от договора самой потерпевшей стороны. Тем не менее закон позволяет применять меру ответственности к нарушителю и без прекращения договорных отношений. Обычно программа договора такова, что наступление ответственности нарушителя вовсе не означает разрыв отношений между сторонами. В приведенном ранее примере с договором подряда закон предусматривает возможность для заказчика, в случае выполнения подрядчиком обусловленной по договору работы заново, взыскать с последнего убытки за просрочку предоставления готового результата (п. 2 ст. 723 ГК РФ). Таким образом, добившись исполнения договора через применение основного способа защиты – предъявления требования об устранении недостатков, заказчик вправе продолжить использовать иные предусмотренные законом способы защиты (возмещение убытков, абз. 9 ст. 12 ГК РФ).

Аналогичным образом покупатель по договору поставки на случай недопоставки товара или просрочки его поставки наделен правом взыскать с поставщика неустойку (ст. 521 ГК РФ). Очевидно, что покупателя в большей мере интересует исполнение обязательства в натуре – допоставка (п. 1 ст. 511 ГК РФ), а неустойка – это иной способ защиты (абз. 10 ст. 12 ГК РФ). Более того, арсенал защиты нарушенных прав покупателя этим не исчерпывается. Помимо неустойки за просрочку поставки нужного количества товара покупатель может использовать другой способ защиты – приобрести такой товар у других лиц с отнесением на поставщика всех необходимых и разумных расходов на их приобретение (п. 1 ст. 520 ГК РФ) – реального ущерба покупателя. Выбор покупателем такого способа защиты свидетельствует опять же о том, что его интересует в первую очередь сам товар, а не возмещение убытков от неполучения

(недополучения) такого товара, реальное исполнение договора, а не ответственность за его нарушение [17].

Логичным образом напрашивается ответ на вопрос – каковы же роль и значение ответственности за нарушение договора в рамках применения желаемого его стороной способа защиты?

Мера ответственности как способ защиты по договору

О том, что возмещение убытков и взыскание неустойки по своей правовой природе являются не только предусмотренными законом способами защиты нарушенных гражданских прав (абз. 9 и 10 ст. 12 ГК РФ), но и мерами гражданско-правовой ответственности, в юридической литературе сказано немало [18]. Цивилистическая наука наделяет такие способы защиты дополнительным статусом мер ответственности, обращая внимание на их существо и характер [19]. Они выступают дополнительным имущественным обременением, возлагаемым на нарушителя договора. Подход законодателя к данному вопросу позволяет в этом убедиться.

Во-первых, закон отдает приоритет соблюдению принципа реального исполнения обязательства (исполнения обязательства в натуре) на случай его ненадлежащего исполнения (п. 1 ст. 396 ГК РФ). Нарушитель не может отстраниться от надлежащего исполнения договора, уплатив неустойку и возместив убытки. Законодатель придерживается позиции, что ответственное по договору лицо, претерпевшее неустойку и (или) убытки, не освобождается от главной обязанности по договору – той обязанности, которая продиктована его предметом – самым главным существенным условием гражданско-правового договора. В противном случае сторона-нарушитель условий договора использовала бы меру своей ответственности как одно из оснований прекращения обязательств (п. 1 ст. 407 ГК РФ), прекратив договорные отношения в любой удобный для себя момент (п. 2 ст. 407 ГК РФ).

Во-вторых, как уже было нами замечено, возложение на нарушителя по договору меры гражданско-правовой ответственности потерпевшей стороной при выборе ею того или иного способа защиты нарушенного права носит добровольный характер. Закон такое право предоставляет, а потерпевшая сторона делает выбор – пользоваться таким правом или воздержаться от его осуществления. Обязанность претерпеть ответственность по договору обусловлена реализацией права потерпевшей стороны потребовать исполнить такую обязанность. Отсутствие обязанности во что бы то ни стало возлагать на нарушителя ответственность по договору придает такому способу защиты дополнительный (вспомогательный) характер. Потерпевшая сторона как бы придерживается применение такого способа про запас на случай, если ей действительно целесообразно или необходимо его применить.

В-третьих, реализация права выбора в пользу применения меры ответственности обусловлена изначальной целью вступления сторон в договорные отношения и позднее сформировавшимся их желанием сохранить договорные отношения. Гражданскому обороту не свойственно такое положение дел, когда сторона вступает в договор только ради применения к другой стороне той или иной меры ответственности. Она вступает

в договор не ради ответственности, а ради достижения первоначальной цели такого договора, позволяющей стороне получить преследуемую выгоду. Если покупатель по договору поставки преследует цель получить долгожданную партию дефицитного товара, то выбор меры ответственности как способа защиты уходит на второй план, его интересует не размер неустойки, а сам товар, который он готов заполучить любой ценой. Поэтому он нацелен требовать реального исполнения обязательства по договору. Применять ли потом еще и меру ответственности – это будет зависеть от того, какие отношения покупатель хочет сохранить с поставщиком на будущее время. Современный гражданский оборот вынуждает порой потерпевшую от нарушения сторону договора проявлять терпение и разумный подход к поведению контрагента, чтобы в итоге потерять меньше, а приобрести больше [20].

Таким образом, приоритет исполнения главной (основной) обязанности по договору перед обязанностью понести ответственность позволяет характеризовать меру такой ответственности как дополнительный (вспомогательный) способ защиты нарушенного по договору права, выражающийся в возложении на нарушителя дополнительного имущественного обременения. Такое обременение является дополнительным по отношению к обременению исполнением основной обязанности по договору.

Значение меры ответственности по договору не может исчерпываться ее характеристикой только как дополнительного способа защиты нарушенного права. Если стороны преследуют цель сохранить договорные отношения, несмотря на допущенные ими нарушения в ходе его исполнения, то взыскание неустойки или возмещение убытков, допускаемые законом или договором, не являются препятствием для совершения и укрепления договорных связей между сторонами. Применение меры ответственности к нарушителю по договору может выступать как предупреждение для последующих нарушений, а сама мера ответственности будет носить превентивный (воспитательный) характер. Например, различного рода варианты неустоек, предусмотренные законом для договоров с участием потребителя, а также возможность последнего применять еще и такой способ защиты, как компенсация морального вреда (абз. 11 ст. 12, ст. 151 ГК РФ), направлены в первую очередь на дисциплинирование контрагента потребителя (продавца, исполнителя). А стороны договора, предметом и содержанием которого являются денежные обязательства, как правило, обеспокоены возможностью своего контрагента воспользоваться применением такой меры ответственности, которая предусмотрена ст. 395 ГК РФ, вследствие чего у реального или потенциального нарушителя может пропасть желание неправомерно удерживать денежные средства, уклоняться от их возврата, допускать просрочку в их уплате. Закон подстраховал потерпевшую сторону, не побуждая ее предусмотреть в договоре свои проценты.

Если говорить о главной функции гражданско-правовой ответственности в целом – восстановительной (компенсационной, компенсаторной), то не стоит забывать о ее реализации и в случае применения меры ответственности к стороне-нарушителю. Если нарушением договора причинены убытки и их наличие не со-

ставляет труда доказать (реальный ущерб или упущенную выгоду), то, конечно, потерпевшая сторона будет озабочена восстановлением своего утраченного имущественного положения. При этом восстановление такого положения не исчерпывается только одним возмещением убытков, ведь потерпевшую сторону не может не интересовать исполнение договора в натуре. Поэтому требование надлежащего исполнения условий договора и одновременно возмещения убытков вследствие его ненадлежащего исполнения – это те способы защиты своих нарушенных прав потерпевшей стороной, которые как раз и преследуют восстановление ее положения, существовавшего до нарушения права (абз. 3 ст. 12 ГК РФ).

Особое внимание следует уделить позиции законодателя, когда речь идет не о ненадлежащем исполнении договора, а его неисполнении вообще. В этом случае закон освобождает нарушившую договор сторону от обязанности восстанавливать имущественное положение потерпевшей стороны через принудительное исполнение договора в натуре, когда нарушитель ограничивается возмещением убытков и (или) взысканием с него неустойки (п. 2 ст. 396 ГК РФ). По сути, ГК РФ установил здесь вариант применения законного способа (основания) прекращения обязательства (п. 1 ст. 407 ГК РФ). Для такого случая закон предоставляет сторонам возможность договориться о размере возмещаемых убытков и разумном размере взыскиваемой неустойки (ст. 333 ГК РФ), т. е. уже по факту прийти к соглашению об отступном (ст. 409 ГК РФ). Меры применяемой к нарушителю ответственности в указанной ситуации выступают единственным способом защиты нарушенного по договору права, а размер убытков и (или) неустойки, по сути, должны воплощать в себе весь необходимый для потерпевшей стороны объем восстановления ее имущественного положения, существовавшего до нарушения права [21].

В отличие от лежащего на поверхности восстановительного (компенсационного) характера такой меры ответственности по договору, как возмещение убытков, применение другой меры ответственности – взыскания неустойки – не обязательно может быть связано с реальным восстановлением утраченного потерпевшей стороной ее имущественного положения, поскольку самой утраты (имущественных потерь) может по факту и не наблюдаться. Видимо, по этой причине закон установил правило – «по требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков» (п. 1 ст. 330 ГК РФ). Представляется, что законодатель заложил в эту формулировку не только процессуальный (доказательственный) смысл, но и материально-правовой [22]. Вредоносные последствия нарушения договора не обязательно могут выражаться в реальном ущербе или упущенной выгоде (п. 2 ст. 15 ГК РФ), нарушать договор – вредно и общественно опасно в целом для гражданского оборота. Тем более что сам нарушитель договора может получить свои доходы от такого нарушения (абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ), извлекая преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Таким образом, взыскание неустойки с нарушителя по договору, как мера ответственности, в первую очередь привязано законом или договором к самому факту правонарушения и, как способ защиты, направлено на

пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (абз. 3 ст. 12 ГК РФ), в особенности когда неустойка «капает по договору» как пеня. Пресекательный характер такой меры ответственности, как взыскание неустойки, позволил законодателю установить правило, позволяющее ее уплачивать даже в качестве отступного (п. 3 ст. 396 ГК РФ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы, на которые мы обратили внимание в нашем исследовании, в первую очередь, помогают понять смысл и значение гражданско-правовой ответственности за нарушение договора. Обсуждение этих вопросов помогает правильно определить роль и значение меры ответственности стороны-нарушителя при выборе способа защиты нарушенного по договору права.

Стороны договора должны иметь правильный законодательный ориентир, направляющий их к возможности применения адекватного, разумного и эффективного способа защиты. Ответственность по договору не должна подменять или заслонять собой весь механизм договорной защиты и выступать главной целью потерпевшей стороны.

Гражданский оборот преследует те цели, для достижения которых гражданско-правовой договор должен исполняться реальным и надлежащим образом. Мера ответственности по договору должна в первую очередь помогать сторонам договора добиваться такого исполнения. Применение меры ответственности к стороне-нарушителю не должно восприниматься им как сигнал от потерпевшей стороны отказаться от дальнейшей реализации договорной программы. Ее применение должно восприниматься как призыв не забывать о соблюдении взаимных прав и интересов сторон договора.

Ответственность по договору при выборе способа защиты не может разрешить все возникающие между сторонами споры и урегулировать все взаимные претензии. Применение конкретной меры ответственности не обязательно приводит к повышению качества договорного взаимодействия между сторонами, поэтому не стоит воспринимать привлечение стороны-нарушителя к ответственности как способ его исцеления от дальнейших нарушений.

В связи с этим следует согласиться с подходом законодателя, устанавливающего возможность, а не обязанность применять к нарушителю по договору меру ответственности как дополнительный, превентивный и восстановительный способ защиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковязина Н.М. Убытки как самая распространенная мера гражданско-правовой ответственности // Юрист. 2021. № 3. С. 57–63. EDN: [KVPGGV](#).
2. Головизнин А.В. Неустойка как мера гражданско-правовой ответственности в контрактных отношениях поставок товаров (выполнения работ, оказания услуг) для государственных или муниципальных нужд: анализ правоприменения // Право и экономика. 2019. № 3. С. 55–60. EDN: [DOFOVP](#).
3. Кравченко А.А. Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 94–104. EDN: [TXOMVF](#).
4. Русских Л.В. Применение способов защиты и мер ответственности к стороне при нарушении корпоративного договора // Вестник арбитражной практики. 2024. № 6. С. 28–34. EDN: [IQJGSW](#).
5. Борисов А.А. Соотношение права на соразмерное уменьшение цены с возмещением убытков: сравнительно-правовой аспект // Хозяйство и право. 2024. № 9. С. 73–87. DOI: [10.18572/0134-2398-2024-9-73-87](#).
6. Трофимов С.В. Квалификация соразмерного уменьшения цены как способа защиты гражданских прав: соотношение с требованием о взыскании убытков и с отказом от договора // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 5. С. 68–128. EDN: [EODDWR](#).
7. Рафикова С.И. Альтернативное обязательство в гражданском праве: немецкий и российский опыт регулирования // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22. № 2. С. 61–135. EDN: [JGVWCP](#).
8. Воробьева О.В. Право заказчика на немотивированный отказ от договора подряда и механизм возмещения убытков подрядчика // Хозяйство и право. 2024. № 1. С. 48–57. DOI: [10.18572/0134-2398-2024-1-48-57](#).
9. Груздев В.В. Существенное нарушение договора как основание трансформации обязательственной связи // Хозяйство и право. 2022. № 6. С. 37–45. EDN: [ARYFGI](#).
10. Монастырский Ю.Э. Законодательная концепция гражданско-правовых последствий прекращения договоров: достоинства и недостатки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 79–93. EDN: [FFXEEG](#).
11. Смаков В.М. Понятие убытков: деконструкция их определения как меры ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 4. С. 84–96. EDN: [YFFKGQ](#).
12. Банников Р.Ю. Переговоры как досудебный порядок урегулирования споров, предусмотренный договором // Третейский суд. 2020. № 1/2. С. 418–430. EDN: [TTZIZI](#).
13. Шерстобитов А.Е. Защита прав потребителей в современном российском гражданском праве // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 5. С. 116–125. DOI: [10.12737/jrp.2023.056](#).
14. Алимгафарова А.Р. Диспозитивные нормы как элемент механизма гражданско-правового договорного регулирования // Гражданское право. 2020. № 2. С. 12–14. EDN: [OCYXAX](#).
15. Кирпичев А.Е. Система санкций за нарушение договора: меры ответственности, меры оперативного воздействия, расторжение договора и неюридические санкции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 9–16. EDN: [WFGDFX](#).
16. Громов А.А. Реализация требования об исполнении обязательства в натуре в позициях Пленума Верховного Суда // Закон. 2017. № 1. С. 68–83. EDN: [YJKJWZ](#).
17. Карпов Н.Н. Договор поставки товара в торговые сети как механизм защиты прав потребителей: теоретико-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 123–132. DOI: [10.17803/1994-1471.2021.127.6.123-132](#).
18. Згонников П.П. О совершенствовании законодательства о способах защиты гражданских прав // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 11–14. EDN: [FXUJCK](#).

19. Занковский С.С., Мотуренко С.М. Эволюция ответственности в договорном праве: от Российской империи до нашего времени // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 2–5. EDN: [XCLLKC](#).
20. Абросимов А.В. Роль и применение оценочной категории разумности в российском гражданском праве // Юрист. 2023. № 11. С. 32–36. DOI: [10.18572/1812-3929-2023-11-32-36](#).
21. Груздев В.В. Реальное исполнение обязательства // Право и экономика. 2024. № 4. С. 13–19. EDN: [TOPNOX](#).
22. Краснова С.А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 68–110. EDN: [HWUBKD](#).

REFERENCES

1. Kovyazina N.M. Losses as the most widespread civil liability measure. *Yurist*, 2021, no. 3, pp. 57–63. EDN: [KVPGGV](#).
2. Goloviznin A.V. Penalty as a measure of civil liability in the contractual relationship of the supply of goods (works, services) for state or municipal needs: legal practice analysis. *Pravo i ekonomika*, 2019, no. 3, pp. 55–60. EDN: [DOFOVP](#).
3. Kravchenko A.A. The correlation of measures of protection and measures of liability as civil remedies. *Russian Juridical Journal*, 2015, no. 2, pp. 94–104. EDN: [TXOMVF](#).
4. Russkikh L.V. Application of protection methods and liability measures to a party in case of violation of a corporate agreement. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*, 2024, no. 6, pp. 28–34. EDN: [IQJGSW](#).
5. Borisov A.A. Correlation between the right to proportionate price reduction and compensation of losses: a comparative law aspect. *Economy and law*, 2024, no. 9, pp. 73–87. DOI: [10.18572/0134-2398-2024-9-73-87](#).
6. Trofimov S.V. Classification of the price reduction remedy: correlation with the damages claim and with the right of withdrawal from a contract. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2024, vol. 24, no. 5, pp. 68–128. EDN: [EODDWR](#).
7. Rafikova S.I. The alternative obligation in civil law: German and Russian experience. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 61–135. EDN: [JGVWCP](#).
8. Vorobeva O.V. The client's right to unsubstantiated cancellation of a contractor agreement and the mechanism of recovery of contractor's losses. *Economy and law*, 2024, no. 1, pp. 48–57. DOI: [10.18572/0134-2398-2024-1-48-57](#).
9. Gruzdev V.V. A material breach of an agreement as a ground for the transformation of the binding obligation. *Economy and law*, 2022, no. 6, pp. 37–45. EDN: [ARYFGI](#).
10. Monastyrskiy Yu.E. The legislative concept of civil law consequences of termination of contracts: advantages and disadvantages. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2023, no. 7, pp. 79–93. EDN: [FFXEEG](#).
11. Smakov V.M. The concept of damages: deconstruction of their definition as a measure of responsibility. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2022, no. 4, pp. 84–96. EDN: [YFFKGQ](#).
12. Bannikov R.Yu. Negotiations as a pre-trial dispute settlement procedure provided in the contract. *Arbitration*, 2020, no. 1/2, pp. 418–430. EDN: [TTZIJZ](#).
13. Sherstobitov A.E. Protection of consumer rights in modern Russian civil law. *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 5, pp. 116–125. DOI: [10.12737/jrp.2023.056](#).
14. Alimgafarova A.R. Discretionary provisions as an element of the mechanism of civil law contractual regulation. *Civil Law*, 2020, no. 2, pp. 12–14. EDN: [OCYXAX](#).
15. Kirpichev A.E. System of sanctions for the breach of contract: remedies, non-judicial remedies; breaking off and non-legal sanctions. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2016, no. 7, pp. 9–16. EDN: [WFGDFX](#).
16. Gromov A.A. Satisfying the demand for specific performance in view of the Plenary Rulings of the Supreme Court of the Russian Federation. *Zakon*, 2017, no. 1, pp. 68–83. EDN: [YJKJWZ](#).
17. Karpov N.N. The contract for the delivery of goods to retail chains as a mechanism for consumer rights protection: a theoretical and legal aspect. *Actual Problems of Russian Law*, 2021, vol. 16, no. 6, pp. 123–132. DOI: [10.17803/1994-1471.2021.127.6.123-132](#).
18. Zgonnikov P.P. About improvement of the legislation on ways of protection of civil rights. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2019, no. 11, pp. 11–14. EDN: [FXUJCK](#).
19. Zankovskiy S.S., Moturenko S.M. Evolution of liability in contract law: from the Russian empire to our time. *Russian Justice*, 2020, no. 10, pp. 2–5. EDN: [XCLLKC](#).
20. Abrosimov A.V. The role and application of the evaluation category of reasonableness in Russian civil law. *Jurist*, 2023, no. 11, pp. 32–36. DOI: [10.18572/1812-3929-2023-11-32-36](#).
21. Gruzdev V.V. Specific performance of obligations. *Pravo i ekonomika*, 2024, no. 4, pp. 13–19. EDN: [TOPNOX](#).
22. Krasnova S.A. Overcompensation in Russian civil law: forms and limits. *The Herald of Commercial Justice of Russia*, 2020, no. 1, pp. 68–110. EDN: [HWUBKD](#).

UDC 347.447

doi: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-2

Liability under a civil contract when selecting a method of defense

Igor V. Mashtakov, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Private Law Department

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: zavet4@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3797-9158>

Abstract: The general and special provisions of the Civil Code of the Russian Federation on certain types of contracts reveal a consistent approach of the legislator to identifying a mechanism for enforcing protection of rights violated under a contract. Among the particular methods of protection specified by the legislator, traditional civil liability measures can be observed. It is noted that the legislator does not assign them a primary role in the mechanism for implementing protection of rights violated under a contract. Therefore, using a formal legal research method and methods of systemic and comparative analysis, this paper attempts to identify the functional purpose of the possible liability measures applicable under a contract within the implementation of the legally provided methods of defense. The study allowed understanding the legislator's intention not to encourage parties to the contract to terminate it with the mandatory imposition of liability measures. A liability measure under a contract is characterized as an additional, preventive, restorative (or suppressive) method of protection, which distinguishes it from other legally provided methods that are not classified as liability. It is concluded that the application of liability for breach of contract is a voluntary or, to a greater extent, forced response by its party to the inappropriate behavior of its counterparty. The choice to apply liability to the latter as a method of protecting its violated contractual rights is not a goal in itself and is primarily determined by the parties' desire to preserve and continue the contractual relationship.

Keywords: liability under a civil contract; choice of the method of defense; breach of contract; liability; damages; penalty; specific performance; in-kind performance; restitution; suppression of actions.

For citation: Mashtakov I.V. Liability under a civil contract when selecting a method of defense. *Jus strictum*, 2025, no. 3, pp. 17–25. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-2.

Издательство (до 1 ноября 2011 года – редакционно-издательский центр) – структурное подразделение Тольяттинского государственного университета, занимающее важное место в обеспечении учебного процесса качественной учебной, учебно-методической и научной литературой.

Издательство ТГУ сегодня

- Имеет в своем составе редакцию и печатный цех. За последние годы практически полностью обновлен парк компьютерной техники, печатного и постпечатного оборудования.
- Выпускает книги и электронные учебные пособия для студентов, аспирантов, преподавателей и специалистов практически по всем отраслям современного научного знания, а также научно-популярную, справочную, художественную литературу, сборники докладов (статей) конференций. Характер издаваемой литературы соответствует всем направлениям учебных циклов дисциплин университета.
- Значительный объем полиграфической работы – оперативное исполнение рекламно-информационной продукции.
- Коллектив издательства – творческий союз высококвалифицированных специалистов с большим стажем работы и молодых целеустремленных сотрудников.
- Сотрудники издательства принимают участие в практических семинарах с целью знакомства с новыми возможностями в области полиграфических технологий и оборудования, а также с современными материалами для цифровой печати.

Основные направления деятельности

- Издание учебной и научной литературы на бумажном носителе, производство электронных учебных и научных пособий.
- Выполнение элементов редакционно-издательского цикла: редактирование, изготовление оригинал-макетов, тиражирование, предпечатная и постпечатная подготовка.
- Методическая и консультативная работа с подразделениями университета по вопросам выпуска учебных и научных изданий.
- Взаимодействие с Российской книжной палатой по вопросам присвоения ISBN изданиям, выпущенным ТГУ.
- Подготовка изданий, выпущенных ТГУ, к государственной регистрации и рассылка обязательных экземпляров.
- Разметка статей, публикуемых в журналах ТГУ, в программе Articulus для размещения на платформе eLibrary.

Основные достижения

- Результаты деятельности неоднократно отмечены дипломами международных, всероссийских и межрегиональных конкурсов.
- Является регулярным участником Книжного фестиваля «Красная площадь» (г. Москва) и академической книжной выставки издательской деятельности «Университет – Наука – Город» (г. Самара).
- Книги издательства были представлены на Евразийской международной книжной выставке-ярмарке «EURASIAN BOOK FAIR» (г. Астана, Казахстан) и на Тегеранской международной книжной ярмарке (г. Тегеран, Иран).

Предупреждение об уголовной ответственности: эффективная мера уголовно-процессуальной профилактики или пережиток прошлого?

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
Институт государства и права Российской академии наук, Москва (Россия)

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Поступила в редакцию 08.07.2025

Пересмотрена 24.07.2025

Принята к публикации 01.08.2025

Аннотация: Предупреждения об уголовной ответственности свидетелей и потерпевших за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, экспертов – за дачу заведомо ложного заключения, иных участников уголовного судопроизводства – за некоторые другие преступления против правосудия, будучи предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, подвергаются критическому анализу. О таких предупреждениях говорится как о признаваемых практическими работниками само собой разумеющихся процессуально-профилактических мерах, подлежащих применению в целях предотвращения отказа или уклонения адресатов от надлежащего исполнения распространяемых на них запретов и обязанностей. Вместе с тем подобные меры оцениваются как несколько странные, плохо согласующиеся с известным принципом презумпции знания уголовного закона, в том числе в условиях ее принципиальной опровержимости. В связи с этим выявляются причины введения подобных требований в предмет уголовно-процессуального регулирования – они усматриваются в обстоятельствах возникновения раннесоветской системы уголовной юстиции, обусловленных отрицанием любых религиозных обрядов в деятельности государственных органов, в том числе используемых в судопроизводстве Российской империи свидетельских и экспертных присяг. Одновременно говорится о причинах сохранения и даже расширения подобных требований в постсоветский период – они предположительно связываются с оставлением без должного внимания данных вопросов авторами-разработчиками действующего уголовно-процессуального закона. В завершение приводятся аргументы, исключающие возможность полной реставрации дореволюционных гарантий надлежащего исполнения участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей. Вместе с тем сама по себе практика использования тождественных присяг оценивается как имеющая весьма высокий профилактический потенциал, по крайней мере, гораздо больший по сравнению используемыми в настоящее время предупреждениями об уголовной ответственности. В связи с этим законодателю предлагается задуматься о возвращении в сферу уголовного судопроизводства подобных юридических гарантий, но в несколько иной, сугубо светской, т. е. исключающей религиозную направленность, форме. Одновременно говорится о разумности деформализации предупреждений об уголовной ответственности с их переводом в разряд дискреционных полномочий дознавателей, следователей, судей для использования по собственному усмотрению в тактических целях.

Ключевые слова: предупреждение об уголовной ответственности; преступления против правосудия; дача заведомо ложных показаний; заведомо ложное заключение эксперта; отказ от дачи показаний; подписка свидетеля; подписка эксперта; присяга свидетеля.

Для цитирования: Россинский С.Б. Предупреждение об уголовной ответственности: эффективная мера уголовно-процессуальной профилактики или пережиток прошлого? // Jus strictum. 2025. № 3. С. 27–34. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-3.

ВВЕДЕНИЕ

Предупреждение об уголовной ответственности – одна из наиболее известных процессуально-профилактических мер, применяемых к различным участникам уголовного судопроизводства в целях предотвращения отказа или уклонения от надлежащего исполнения ими своих обязанностей, в первую очередь недопущения совершения известных преступлений против правосудия, предусмотренных рядом статей, включенных в гл. 31 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Так, в соответствии с ч. 6 ст. 141 и ч. 6 ст. 318 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) заяви-

теля надлежит предупреждать об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ). В силу ч. 5 ст. 164 УПК РФ, находящейся в системном единстве с ч. 1 ст. 189 УПК РФ, участвующих в вербальных следственных действиях потерпевших и свидетелей предписывается предупреждать об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, а переводчиков – за заведомо ложный перевод (ст. 307, 308 УК РФ); исходя из смысла закона, эти же предписания касаются и судебных заседаний по уголовным делам, рассматриваемым в первой либо апелляционной инстанциях. Необходимость предупреждения

экспертов об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение (ст. 307 УК РФ) вытекает из совокупного содержания ч. 2, 4 ст. 199 и п. 5 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, хотя нельзя не обратить внимание на особый, к слову, достаточно неопределенный режим доведения указанных сведений до сотрудников государственных экспертных учреждений. А потребность в принятии схожей профилактической меры в отношении специалистов, не будучи формально легализованной в положении уголовно-процессуального закона, является следствием продуктивной работы Пленума Верховного Суда РФ – в п. 17 постановления Пленума, посвященного практике рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции¹, специалиста рекомендуется допрашивать по правилам допроса свидетеля, в том числе разъяснять предусмотренную ст. 58 УПК РФ ответственность. И, наконец, в соответствии с ч. 3 ст. 161 УПК РФ участников досудебного производства по уголовному делу надлежит предупреждать об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ).

Все эти процессуально-профилактические меры являются настолько устоявшимися, настолько глубоко укоренившимися в законодательстве и правоприменительной деятельности, что воспринимаются практическими работниками как само собой разумеющиеся. На сегодняшний день вряд ли можно встретить дознавателя, следователя, прокурора, адвоката, сотрудника судебно-экспертного учреждения или судью, сомневающегося в необходимости предупреждения некоторых участников уголовного судопроизводства об уголовной ответственности за совершение определенных преступлений против правосудия. Более того, маловероятно, что кто-либо из них в принципе задумывается над данным вопросом – обычно такие предупреждения, как фрагменты ежедневной процессуальной рутины, осуществляются достаточно рефлекторно, машинально, «на автомате», а подчас – и вообще сугубо формально, т. е. посредством беглого и невнятного зачитывания судьей соответствующих положений закона или настоятельных предложений следователя (дознавателя) расписаться в специально предусмотренной графе протокола либо в самостоятельной подписке о неразглашении данных предварительного расследования. К слову, в дознавательской и следственной практике встречаются даже случаи преднамеренного уклонения от предупреждения участников уголовного судопроизводства об ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 306–308 УК РФ. Заявителя как будто бы случайно забывают предупредить об ответственности за заведомо ложный донос, свидетеля – за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний и т. д. Посредством таких незаконных хитростей недобросовестные дознаватели и следователи пытаются заранее обесценить потенциально неутешительные результаты процессуальных действий и лишиться юридической силы

соответствующие документы: поданные заявления о преступлении, протоколы допросов и т. д.

Скорее всего, подобные сомнения и раздумья не присущи и подавляющему большинству преподавателей уголовного процесса, и многим ученым-процессуалистам. Эти вопросы, как правило, поднимались и продолжают подниматься лишь в публикациях уголовно-правовой направленности – в связи с рассмотрением проблем квалификации соответствующих преступлений [1–4]. Тогда как в уголовно-процессуальной литературе они практически не освещаются – о предупреждении потерпевших, свидетелей, экспертов и прочих участников досудебного либо судебного производства об уголовной ответственности (вариативно – о разъяснении им соответствующих положений УК РФ) обычно заявляется как об аксиоматичной данности [5–7]. И только в некоторых публикациях содержатся отдельные намеки, демонстрирующие отношение авторов к подобным предупреждениям (разъяснениям) как к профилактическим упреждениям, направленным на обеспечение правомерного поведения участников уголовного судопроизводства, в первую очередь объективности сообщаемых ими сведений [8; 9].

Вместе с тем при глубоком погружении в указанную проблематику данные вопросы начинают казаться далеко не такими заурядными, а связанные с ними предписания закона – далеко не такими очевидными, какими, по всей вероятности, представляются подавляющему большинству специалистов в области уголовной юстиции.

Цель исследования – выявление причин, предопределивших возникновение подобных законодательных предписаний, а также их места в национальной системе уголовного судопроизводства.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе проведения исследования использовался научный подход, основанный на доказывании «от противного» (*contradictio in contrarium*), позволивший обосновать неприемлемость существующих в настоящее время механизмов предупреждения свидетелей, потерпевших, экспертов и некоторых других участников уголовного судопроизводства об ответственности за ряд преступлений против правосудия. Это позволило обосновать потребность в возвращении в сферу уголовно-процессуального регулирования используемых до Октябрьской революции торжественных присяг, но в несколько иной, сугубо светской, исключающей религиозную направленность форме.

Исследование проводилось в несколько этапов. В ходе первого этапа была доказана чужеродность механизмов предупреждения об уголовной ответственности для национальной парадигмы правового регулирования. Второй этап был связан с выявлением причин возникновения подобных требований в российском уголовном судопроизводстве. На третьем этапе были сформулированы предложения, направленные на совершенствование юридических гарантий предотвращения отказов от дачи показаний, дачи заведомо ложных показаний, экспертных заключений, совершения иных подобных преступлений против правосудия.

В ходе исследования анализировалась научная литература, рассматривались нормы действующего

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/.

законодательства и правоприменительная практика, проводились параллели с нормативно-правовыми актами Российской империи, РСФСР, отдельными положениями зарубежного уголовно-процессуального права.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Предупреждение об уголовной ответственности vs презумпция знания уголовного закона

Установленные нормами УПК РФ требования о предупреждении заявителей, потерпевших, свидетелей, некоторых других лиц об уголовной ответственности, будучи достаточно устоявшимися процессуальными гарантиями обеспечения результатов дознавательской, следственной или судебной деятельности, вместе с тем представляются несколько странными. Они плохо согласуются с известным принципом презумпции знания закона в целом и уголовного закона в частности, обычно выражаемым в виде крылатого латинского афоризма “*Ignorantia juris neminem excusat*” («Незнание закона не освобождает от ответственности»). Никто не может оправдываться незнанием закона, писал крупный советский правовед А.А. Тилле, эту известную с незапамятных времен «формулу» надлежит осознать и всякому юристу, и любому не состоящему в юридической корпорации обывателю [10]. Схожие взгляды высказывались и другими известными авторами. И действительно, в части прочих правоотношений, в том числе каких-то бытовых, повседневных-жизненных ситуаций справедливость и бесспорность подобного «неписанного» принципа ни у кого не вызывает сомнений – в противном случае можно было бы ожидать его формального закрепления в положениях Конституции РФ или уголовного закона.

Вряд ли кому-либо может прийти в голову мысль предупреждать любого выходящего из дома человека о недопустимости совершения убийства, кражи, грабежа, разбоя и т. д. (по списку!), а сажающегося за руль автомобилиста – о преступности нарушения правил дорожного движения, повлекшего тяжкий вред здоровью. Маловероятно, что сотрудники ЗАГСа станут разъяснять вступающим в законный брак молодым людям положения уголовного закона, предусматривающие санкции за домашнее насилие. Едва ли кому-то покажется разумным каждое утро требовать от приходящего на работу чиновника давать подписку об осведомленности об уголовной ответственности за получение взятки, злоупотребление полномочиями, халатность и пр.; еще менее вероятно, что кто-то сочтет необходимым подвергать таким бессмысленным обременениям сотрудников органов предварительного расследования, прокуроров и судей.

Однако в отношении заявителей, потерпевших, свидетелей, некоторых иных участников определенных уголовно-процессуальных правоотношений (а также гражданско-процессуальных и ряда других процессуальных правоотношений) почему-то стал использоваться принципиально иной подход – принцип презумпции знания уголовного закона фактически был заменен противоположным принципом презумпции незнания уголовного закона. Причем наиболее вычурными на этом фоне выглядят нормы, закрепленные в ч. 3 ст. 53 и п. 5

ч. 1 ст. 204 УПК РФ, помимо прочего обязывающие адвокатов-защитников (юристов-профессионалов!) давать подписки о разъяснении ответственности за разглашение данных предварительного следствия, а государственных судебных экспертов (экспертов-профессионалов!) – об ответственности за заведомую ложность экспертного заключения. Да и многие другие предупреждения об уголовной ответственности в реальности становятся не более чем пустыми формальностями. Например, таковыми представляются подобные меры, предпринимаемые в отношении «профессиональных» свидетелей, например сотрудников полиции, Росгвардии, ФСБ России или часто привлекаемых к сотрудничеству переводчиков.

Конечно, презумпцию знания уголовного закона нельзя считать абсолютно универсальной и неопровержимой. Скорее следует согласиться с позициями ученых, предлагавших и продолжающих предлагать ограничивать практическую реализацию данного принципа рядом исключений. Так, еще Н.С. Таганцев вполне справедливо не допускал существования суперэрудированных людей, в том числе профессиональных юристов, знающих все нюансы «антикриминального» (в терминологии автора – полицейского) законодательства [11]. Схожей точки зрения придерживался и М.С. Строгович. Однако ученый в характерном для его публикаций несколько пропагандистском стиле связывал причины ненадлежащего знания населением положений уголовного права со свойственными буржуазным странам и несвойственными советскому государству путанностью и неясностью системы законодательства [12]. А в настоящее время подобных взглядов придерживаются С.С. Тихонова, П.Н. Панченко и многие другие известные авторы [13; 14].

Вместе с тем предусмотренные ст. 306–308 и 310 УК РФ преступления являются уж слишком «примитивными», а охраняемые ими правоотношения, будучи воплощением известных, в каком-то смысле даже традиционных для российского общества ценностей, – вполне очевидными для понимания абсолютным большинством населения. Вряд ли кто-либо из представителей многонационального народа Российской Федерации не знает, по крайней мере не догадывается об аморальности лжи, тем более в связи с потенциальной возможностью освобождения от ответственности виновного в каком-либо деянии человека или, наоборот, привлечения к ответственности невиновного. Маловероятно, что в реальности кто-либо может не осознавать неприемлемости отказа от выполнения законных требований государственного органа (должностного лица) либо разглашения вверенной тайны. Все эти признаваемые в основных мировых культурах и религиях «прописные истины», обычно доводимые до людей в процессе родительского, школьного или иного воспитания, хорошо известны каждому, пусть даже самому «неблагополучному» и постоянно игнорирующему подобные каноны члену общества – так же хорошо, как и постулаты о недопустимости убийства, изнасилования, кражи и т. п.

Конечно, установленные нормами УПК РФ требования о предупреждении заявителей, потерпевших, свидетелей, некоторых других лиц об ответственности направлены не столько на устрашение данных субъектов, сколько на их правовое «просвещение», и призваны

не столько вызвать опасения в наступлении предусмотренных ст. 306–308 и 310 УК РФ репрессивных, к слову, достаточно щадящих последствий, сколько разъяснить те конкретные формы аморального поведения в сфере уголовного судопроизводства, которые признаются уголовно наказуемыми деяниями. Вместе с тем добиться надлежащего эффекта таких предупредительных мер, т. е. обеспечить подлинное понимание среднестатистическими адресатами доводимых до них положений уголовного закона, все равно практически невозможно. Ведь в силу достаточно сложной национальной системы уголовно-правового регулирования, предполагающей возможность применения конкретных норм Особенной части УК РФ лишь в системном единстве с положениями Общей части УК РФ, с учетом имеющихся позиций Пленума Верховного Суда РФ, а иногда – и Конституционного Суда РФ, «рядовые» обыватели, т. е. не имеющие базовой юридической подготовки, а порой – даже банального среднего образования дилетанты просто не в состоянии уразуметь смысл вкратце сообщаемых им сведений. Тогда как для подлинного осознания данных сведений подавляющим большинством потерпевших, свидетелей, других лиц дознавателю, следователю или судье приходилось бы каждый раз превращаться в преподавателя уголовного права и методично знакомить человека со всеми нюансами квалификации одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 306–308 или 310 УК РФ, и особенностями соответствующей правоприменительной практики. Ввиду понятных причин такие приемы дознавательской, следственной или судебной работы видятся совершенно невозможными.

Причины появления требований о предупреждении участников уголовного судопроизводства об уголовной ответственности

Для должного рассмотрения и осмысления любых вызывающих вопросы положений закона, любых связанных с практическими трудностями правил поведения участников правоотношений надлежит использовать историко-правовой метод научного познания. Зачастую именно в обстоятельствах возникновения либо тенденциях развития данных положений и правил кроются подлинные причины наблюдаемых проблем, а выявление таких причин нередко способствует определению наиболее разумных путей совершенствования законодательства и оптимизации соответствующей практической деятельности.

Стоит обратить особое внимание на тот факт, что требования о предупреждении участников уголовного судопроизводства об уголовной ответственности в целях предотвращения отказа или уклонения от надлежащего исполнения ими своих обязанностей были введены в предмет уголовно-процессуального регулирования всего лишь чуть более ста лет назад – в связи с формированием на тот момент новой раннесоветской системы уголовной юстиции, тогда как существовавшие ранее «царские» правила работы уголовного судопроизводства предполагали несколько иные гарантии обеспечения надлежащего поведения участвующих лиц. Так, в соответствии с положениями гл. 7 раздела 4 Устава уголовного судопроизводства Российской империи (далее – УУС) основной гарантией правдивости свидетельских

показаний и объяснений сведущих лиц (экспертов) признавалась религиозная присяга (!), даваемая лицами в соответствии с обрядами их вероисповеданий. Православные свидетели (эксперты) приводились к присяге священником. Ему надлежало зачитать клятвенное обещание религиозного характера, а свидетелю – приложиться к кресту, Евангелию и вслух произнести: «Клянусь». Иных верующих свидетелей (экспертов) (католиков, лютеран, иудеев, мусульман и пр.) предписывалось приводить к присяге согласно догматам и обрядам исповедуемой ими религии, для чего приглашать соответствующих духовных лиц; в случае отсутствия таковых лиц приводить «иноверцев» к присяге надлежало председателю суда. Правда, к использованию подобных гарантий были предрасположены далеко не все свидетели. Законом предусматривалось достаточно много специальных субъектов, не допускаемых к свидетельству под присягой (отлученные от церкви, малолетние, слабоумные, отдельные категории лиц, которым одной из сторон был заявлен отвод) либо освобождаемых от присяги (священнослужители и христианские монахи, а также лица, «принадлежащие к исповеданиям и вероучениям, не приемлющим присяги») – некоторым из таких лиц вместо присяги дозволялось давать обещание «показывать всю правду по чистой совести»; остальных оставалось только призывать к даче правдивых показаний. В любом случае перед допросом председателю суда в соответствии со ст. 716 УУС надлежало напомнить свидетелю (эксперту) об ответственности «за лживые показания» (объяснения), но лишь напомнить (!), не разъясняя соответствующих положений уголовного закона и не прибегая к получению каких-либо подписок. А для предварительного следствия никаких присяг и напоминаний об уголовной ответственности по общему правилу вообще не предусматривалось – согласно ст. 442 УУС судебному следователю предписывалось приводить свидетеля к присяге лишь в случаях перспективы его длительного отсутствия в месте производства по уголовному делу либо постоянного проживания вдали от места нахождения суда, а также ввиду наличия у него тяжелого заболевания с реальной возможностью достаточно скорого смертельного исхода.

Революционные потрясения 1917 г., приведшие к возникновению Советской России, предопределили закономерный отказ от использования религиозных присяг и тому подобных способов обеспечения достоверности необходимых для нужд юстиции, в том числе уголовной юстиции, сведений. В принципе, сформированное после Октябрьской революции рабоче-крестьянское правительство вовсе не стремилось к незамедлительному упразднению прежних, особо не противоречащих новой парадигме государственного управления механизмов расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Напротив, ответственные за формирование раннесоветской системы уголовной юстиции (до весны 1918 г. – преимущественно представители левозерсовской партии [15], а затем – члены РСДРП(б) с дореволюционным юридическим прошлым [16]) постарались обеспечить максимально возможную преемственность вводимых правил по отношению к хорошо апробированному и достаточно прогрессивным для своего времени положениям «царского» законодательства, в первую очередь УУС. Вместе с тем сохранение

религиозных присяг ввиду понятных причин не было возможным ни при каких условиях.

Поэтому уже в ст. 14 утвержденного ВЦИКом в феврале 1918 г. известного Декрета о суде № 2 предписывалось отменить любые присяги, а достоверность свидетельских показаний обеспечивать предупреждением (в современной терминологии – предупреждением) об ответственности за ложность сообщаемых сведений. Позднее эти идеи нашли отражение в положениях «пробного» Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г. и принятого менее чем через год «обновленного» Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (далее – УПК РСФСР 1923 г.). Так, в соответствии со ст. 164 и 274 УПК РСФСР 1923 г. народному следователю или председательствующему в судебном заседании предписывалось, приступая к допросу свидетеля, помимо прочего предупреждать вызванное лицо об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, в чем отбирать у него подписку (!); в ст. 170 УПК РСФСР 1923 г. схожие требования, только без необходимости получения подписки, устанавливались и в части назначения судебной экспертизы.

В дальнейшем эти требования в несколько измененном виде нашли отражение в положениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР 1960 г.). Согласно ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 282 и ч. 1 ст. 287 УПК РСФСР 1960 г. сотрудникам органов дознания, следователям, прокурорам, судьям, приступающим к допросам достигших 16-летнего возраста свидетелей и потерпевших, тоже предписывалось предупреждать их об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, за отказ либо уклонение от дачи показаний – данные факты также подлежали фиксации посредством соответствующих подписок, подлежащих изложению в протоколах следственных действий либо приобщаемых к материалам судебных заседаний самостоятельных документах. Схожими предписаниями обременялись и процедуры назначения судебных экспертиз. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 187 и ч. 2 ст. 189 УПК РСФСР 1960 г., эксперта надлежало предупредить об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение; при поручении проведения исследований судебно-экспертному учреждению данная обязанность возлагалась на его руководителя, тогда как при назначении экспертизы «частному эксперту» (лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении) – на самого следователя (иного вынесшего соответствующее постановление субъекта). При этом в УПК РСФСР 1960 г. прямо не говорилось об обязанности эксперта давать соответствующую подписку. Однако подобные требования стали усматриваться практическими работниками из смысла закона. По крайней мере, повсеместно используемые в последние годы применения позднесоветского уголовно-процессуального законодательства стандартизированные шаблоны экспертных заключений предполагали располагаемую во вводной части подписку эксперта о разъяснении ему прав, обязанностей и предупреждении его об ответственности за дачу заведомо ложного заключения – автору настоящей статьи, проходившему в конце 1990-х гг. службу в Следственном управлении ГУВД г. Москвы (позднее – в Главном следственном управлении при ГУВД

г. Москвы), приходилось работать с множеством подобных документов.

Таким образом, причины, некогда побудившие к введению в сферу уголовно-процессуального регулирования требований о предупреждении потерпевших, свидетелей, экспертов и прочих участников досудебного либо судебного производства об уголовной ответственности за некоторые преступления против правосудия, были напрямую связаны с атеистическим характером советской идеологии, с отрицанием любых религиозных обрядов в деятельности государственных органов, в том числе используемых ранее свидетельских присяг. Тогда как включение подобных требований в положения действующего уголовно-процессуального законодательства и даже их расширение за счет обязанностей предупреждения ряда лиц об уголовной ответственности по ст. 306 и 310 УК РФ, по всей вероятности, стало следствием оставления авторами-разработчиками УПК РФ данных вопросов без должного внимания. Вместе с тем вполне очевидно, что некогда присущие советскому процессуальному праву идеологические запреты и ограничения уже давно потеряли актуальность и в настоящее время не имеют никакого смысла. Более того, начиная с 1960-х гг. в юридической литературе вновь стали обсуждаться идеи о возможности использования присяг как гарантий достоверности необходимых для нужд уголовной юстиции сведений. Так, еще в 1969 г. Г.З. Анашкин указал на потребность приведения свидетелей к государственной присяге [17]. Несколько позднее М.Х. Хабибуллин считал разумным придавать процедурам предупреждения об уголовной ответственности большую торжественность либо вообще заменить их присягами или клятвами в целях позитивного психологического воздействия на свидетелей (потерпевших), побуждения указанных лиц к подлинному осознанию всей важности сообщаемых ими сведений [18]. О целесообразности замены присягами предупреждений об уголовной ответственности «профессиональных» экспертов, т. е. сотрудников судебно-экспертных учреждений, неоднократно писали Р.С. Белкин, Е.Р. Россинская и другие ученые-криминалисты [19; 20]; об этом же заявляют и некоторые начинающие исследователи [21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Означает ли все вышесказанное, что на сегодняшний день существует объективная потребность в реставрации предусмотренных дореволюционным законодательством религиозных присяг как гарантий надлежащего исполнения свидетелями, потерпевшими, экспертами и другими участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей? Нет, не означает. Думается, что, несмотря на проводимую государством достаточно мудрую политику в сфере возрождения церковных ценностей, в России вряд ли когда-нибудь, по крайней мере в обозримом будущем, удастся достигнуть дореволюционного уровня религиозности населения, в частности большого количества подлинно и глубоко верующих людей. Тем более что установленные Уставом уголовного судопроизводства Российской империи механизмы были не такими уж безупречными

и справедливыми, какими они видятся некоторым ученым-процессуалистам, главным образом представителям так называемой либеральной общественности, привыкшим к демонизации всего советского, в том числе постреволюционных реформ в сфере уголовной юстиции. Например, в соответствии со ст. 707 УУС в случае заявления какой-либо из сторон отвода к свидетельству под присягой не допускались «лишенные по суду всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию им присвоенных», «евреи – по делам бывших их единоверцев, принявших христианскую веру, и раскольники – по делам лиц, обратившихся из раскола в православие», некоторые другие категории вполне нормальных в современном понимании лиц.

Вместе с тем сама по себе практика использования тождественных присяг (вариативно – клятв, адьюраций и т. п.) представляется имеющей весьма высокий профилактический потенциал, по крайней мере, гораздо больший по сравнению с предусмотренными действующим уголовно-процессуальным законом предупреждениями об ответственности по ст. 306–308 и 310 УК РФ. Думается, что «коллективному законодателю» надлежит всерьез задуматься о возвращении в сферу уголовного судопроизводства (равно как и в сферы иных судопроизводств) подобных юридических гарантий, но в несколько иной, сугубо светской, т. е. исключаящей религиозную направленность, форме. Например, можно предусмотреть торжественную присягу, связанную с упоминанием любви к Родине, памяти предков, иных общепризнанных ценностей российского общества, и подлежащую произнесению в условиях соблюдения каких-либо вытекающих из смысла Конституции РФ светских ритуалов: на фоне государственного флага РФ, государственного герба РФ и т. п. Можно также прибегнуть к использованию предполагающих некоторую вариативность механизмов, для чего позаимствовать опыт ныне политически недружественных, но при этом располагающих вполне качественными правовыми системами государств. В частности, в Соединенных Штатах Америки в настоящее время предусмотрена достаточно гибкая процедура приведения к присяге, рассчитанная на представителей разных конфессий, атеистов, детей и прочие категории лиц – каждому свидетелю дозволяется клясться с упоминанием ценностей исповедуемой религии либо давать тождественные обещания без обращения к таковым. В любом случае для обеспечения надежности подобных процессуальных присяг государству желательно принять дополнительные меры, способствующие повышению уровня правовой культуры населения, пониманию рядовыми обывателями особого значения правосудия и осознанию ими необходимости должного исполнения судопроизводственных запретов и обязанностей, например, предусмотреть подробное рассмотрение соответствующих вопросов на школьных уроках обществознания и т. п. Кроме того, вполне возможно предусмотреть достаточно суровую уголовную ответственность за нарушение присяги – не за дачу заведомо ложных показаний и другие предусмотренные ст. 306–308 и 310 УК РФ деяния, а именно за нарушение присяги.

Одновременно надлежит задуматься о деформализации (исключении из числа непреложных компонентов процессуальной формы) профилактических предупреж-

дений заявителей, свидетелей, потерпевших, экспертов, некоторых иных участников уголовного судопроизводства об ответственности за совершение соответствующих их правовому положению преступлений против правосудия. Подобные возможности разумнее всего перевести в разряд дискреционных полномочий дознавателей, следователей, судей, т. е. позволить им пользоваться такими процессуальными средствами по своему усмотрению в тактических целях – лишь при возникновении потребности в дополнительных аргументах, способствующих побуждению определенных участников уголовного судопроизводства к должному поведению, в первую очередь к сообщению правдивых сведений.

Более того, в этой связи могут возникнуть и более «крамольные» предположения: о целесообразности декриминализации деяний, предусмотренных ст. 306–308 и 310 УК РФ, ввиду неспособности указанных положений уголовного закона оказывать должное воздействие на поведение участников уголовного судопроизводства, а также известных трудностей, присущих доказыванию таких преступлений и предопределяющих нераспространенность соответствующей правоприменительной практики. Но к рассмотрению данных вопросов, как не имеющих прямого отношения к предмету настоящего исследования, автору хотелось бы возвратиться в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курс советского уголовного права / под ред. А.А. Пионтовского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. Т. 6. М.: Издательство Академии наук СССР, 1971. 559 с.
2. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 491 с.
3. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М.: Проспект, 2008. 560 с.
4. Лобанова Л.В. Значение предупреждения лица об уголовной ответственности для квалификации посягательств, совершенных в сфере правосудия по уголовным делам // Уголовное право. 2012. № 3. С. 47–52. EDN: [OYKMRR](#).
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. 1276 с.
6. Власова Н.А. Правовой статус свидетеля в уголовном судопроизводстве нуждается в совершенствовании // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 20. № 4. С. 182–193. DOI: [10.24412/2587-9820-2021-4-182-193](#).
7. Байчорова Ф.Х., Хатков А.А. Оценка показаний свидетеля в уголовном процессе // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72-6. С. 10–12. DOI: [10.18411/lj-04-2021-217](#).
8. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
9. Тарасов А.А. Привлечение специалиста в современной адвокатской практике по уголовным делам // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 1. С. 46–53. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-1-46-53](#).
10. Тилле А.А. Презумпция знания законов // Правоведение. 1969. № 3. С. 34–39.

11. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. М.: Наука, 1994. 380 с.
12. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.: Издательство Академии наук СССР, 1947. 276 с.
13. Тихонова С.С. Юридическая техника в уголовном праве. Н. Новгород: Деком, 2008. 244 с.
14. Панченко П.Н. Презумпция знания закона как условие виды и ответственности в уголовном праве и ее трактовка применительно к преступлениям, совершаемым в сфере экономической деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2. С. 227–233. EDN: [NORPMD](#).
15. Россинский С.Б., Чучаев А.И. Устав уголовного судопроизводства РСФСР 1918 года: уроки истории // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 6. С. 160–175. DOI: [10.35427/2073-4522-2023-18-6-rossinskiy-chuchaev](#).
16. УПК РСФСР 1922 года – первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Институт государства и права РАН, 2023. 216 с.
17. Анашкин Г.З. Актуальные проблемы правосудия в СССР. М.: Знание, 1969. 48 с.
18. Хабибуллин М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. Казань: Издательство Казанского университета, 1975. 161 с.
19. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997. 480 с.
20. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. 656 с.
21. Волянко А.А. Полномочия руководителя государственного судебно-экспертного учреждения при назначении и производстве экспертизы по уголовным делам // Вестник экономики и права. 2025. № 102. С. 100–105. EDN: [GICDGX](#).
- no. 4, pp. 182–193. DOI: [10.24412/2587-9820-2021-4-182-193](#).
7. Baychorova F.Kh., Khatkov A.A. Evaluation of witness testimony in criminal proceedings. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2021, no. 72-6. pp. 10–12. DOI: [10.18411/lj-04-2021-217](#).
8. Sheyfer S.A. *Sledstvennye deystviya. Sistema i protsessualnaya forma* [Investigating actions. System and procedural form]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2001. 208 p.
9. Tarasov A.A. Involvement of a specialist in modern criminal law practice. *Juridical Journal of Samara University*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 46–53. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-1-46-53](#).
10. Tille A.A. Presumption of knowledge of law. *Pravovedenie*, 1969, no. 3, pp. 34–39.
11. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovolnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Moscow, Nauka Publ., 1994. Vol. 1, 380 p.
12. Strogovich M.S. *Uchenie o materialnoy istine v ugovolnom protsesse* [The Theory of Substantive Truth in the Legal Proceedings]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1947. 276 p.
13. Tikhonova S.S. *Yuridicheskaya tekhnika v ugovolnom prave* [Legal technique in criminal law]. Nozhniy Novgorod, Dekom Publ., 2008. 244 p.
14. Panchenko P.N. Presumption of the knowledge of law as a condition of guilt and responsibility in the criminal law and its treatment concerning the crimes committed in the economic. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2010, no. 2, pp. 227–233. EDN: [NORPMD](#).
15. Rossinskiy S.B., Chuchaev A.I. Charter of criminal proceedings of the RSFSR of 1918: lessons of history. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2023, vol. 18, no. 6, pp. 160–175. DOI: [10.35427/2073-4522-2023-18-6-rossinskiy-chuchaev](#).
16. Chuchaeva A.I., ed. *UPK RSFSR 1922 goda – pervyy sovetskiy protsessualnyy Kodeks (k 100-letiyu so dnya prinyatiya)* [The Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1922 – the first Soviet Procedural Code (on the 100th anniversary of its adoption)]. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN Publ., 2023. 216 p.
17. Anashkin G.Z. *Aktualnye problemy pravosudiya v SSSR* [Current issues of justice in the USSR]. Moscow, Znanie Publ., 1969. 48 p.
18. Khabibullin M.X. *Otvetstvennost za zavedomo lozhnyy donos i zavedomo lozhnoe pokazanie po sovetskomu ugovolnomu pravu* [Responsibility for knowingly false denunciation and knowingly false testimony under Soviet criminal law]. Kazan, Izdatelstvo Kazanskogo universiteta Publ., 1975. 161 p.
19. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki. Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii* [Forensic science course. Forensic tools, techniques and recommendations]. Moscow, Yurist Publ., 1997. Vol. 3, 480 p.
20. Rossinskaya E.R. *Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovolnom protsesse* [Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings]. Moscow, Norma Publ., 2005. 656 p.
21. Volynko A.A. Powers of the head of the state forensic institution when appointing and conducting examinations in criminal cases. *Bulletin of economics and law*, 2025, no. 102, pp. 100–105. EDN: [GICDGX](#).

REFERENCES

1. Piontkovskiy A.A., Romashkin P.S., Chkhikvadze V.M., eds. *Kurs sovetskogo ugovolnogo prava* [The course of Soviet criminal law]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1971. Vol. 6, 559 p.
2. Gorelik A.S., Lobanova L.V. *Prestupleniya protiv pravosudiya* [Crimes against Justice]. Saint-Peterburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2005. 491 p.
3. Brilliantov A.V., Kosevich N.R. *Nastolnaya kniga sudi: prestupleniya protiv pravosudiya* [Handbook of the judge: crimes against justice]. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 560 p.
4. Lobanova L.V. The value of warning a person about the criminal liability for qualification of the crimes against justice in criminal cases. *Ugovolnoe pravo*, 2012, no. 3, pp. 47–52. EDN: [OYKMRR](#).
5. Golovko L.V., ed. *Kurs ugovolnogo protsessa* [The Course of the Criminal process]. Moscow, Statut Publ., 2016. 1276 p.
6. Vlasova N.A. The legal status of a witness in legal proceedings of a criminal case needs to be improved. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*, 2021, vol. 20,

UDC 343.1

doi: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-3

Notice of criminal liability: an effective measure of criminal procedure prevention or a relic of the past?

Sergey B. Rossinskiy, Doctor of Sciences (Law), Professor,
chief researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Received 08.07.2025

Revised 24.07.2025

Accepted 01.08.2025

Abstract: Being provided for by the criminal procedure legislation of the Russian Federation, notice of criminal liability of witnesses and victims for refusing to testify and intentionally making a false statement, experts – for giving willful false evidence, and other participants in criminal proceedings – for some other crimes against justice are subject to critical analysis. Such notice is referred to as self-evident procedural-preventive measure recognized by practitioners, subject to be applied in order to prevent the refusal or evasion of addressees from the proper execution of prohibitions and obligations applicable to them. At the same time, such measures are assessed as somewhat strange, poorly consistent with the well-known principle of the presumption of knowledge of the criminal law, including in the conditions of its fundamental refutation. In this regard, the reasons for introducing such requirements into the subject of criminal procedure regulation are revealed – they are seen in the circumstances of the emergence of the early Soviet system of criminal justice, caused by the denial of any religious rites in the activities of state bodies, including witness's and expert's oaths used in the legal proceedings of the Russian Empire. At the same time, the author discusses the reasons for the preservation and even expansion of such requirements in the post-Soviet period – they are presumably associated with the neglect of these issues by the authors and developers of the current criminal procedure law. In conclusion, the paper provides arguments that exclude the possibility of a complete restoration of pre-revolutionary guarantees of proper execution of procedural duties by participants in criminal proceedings. Moreover, the practice of using identical oaths is assessed as having a very high preventive potential, at least much greater in comparison with the currently used notice of criminal liability. In this regard, the legislator is invited to think about returning such legal guarantees to the sphere of criminal proceedings, but in a slightly different, purely secular form, i. e. excluding religious focus. At the same time, the author says that it is reasonable to deformatize notice of criminal liability and transfer it to the category of discretionary powers of inquiry officers, investigators, and judges for use at their own discretion for tactical purposes.

Keywords: notice of criminal liability; crimes against justice; intentionally making a false statement; willful false expert evidence; refusal to testify; witness signature; expert signature; witness's oath.

For citation: Rossinskiy S.B. Notice of criminal liability: an effective measure of criminal procedure prevention or a relic of the past? *Jus strictum*, 2025, no. 3, pp. 27–34. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-3.

Сочетание императивного и диспозитивного начал в правовом регулировании договорных отношений на примере договора поставки товаров для государственных и муниципальных нужд

Чуклова Елена Валериевна*¹, кандидат юридических наук, доцент,
доцент департамента частного права

Трифонов Владимир Николаевич², заместитель генерального директора

¹Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

²ООО «Хирастом М», Москва (Россия)

*E-mail: elenachuklova@mail.ru

Поступила в редакцию 14.05.2025

Пересмотрена 17.06.2025

Принята к публикации 26.08.2025

Аннотация: Рассмотрены теоретические и практические аспекты правового регулирования договора поставки для государственных и муниципальных нужд посредством изучения взаимодействия диспозитивных и императивных норм, регулирующих общественные отношения, формализующиеся в рамках договора данного вида. Проанализированы правовая природа и особенности регулирования договора поставки для государственных и муниципальных нужд и проблемы его заключения, исполнения и изменения. Исследование обусловлено отсутствием единого подхода в науке к определению правовой природы такого договора и необходимостью разрешения противоречий между императивными нормами Закона о контрактной системе и принципом свободы договора, закрепленным в Гражданском кодексе РФ. Показано, что договор поставки для государственных и муниципальных нужд является комплексным правовым институтом, сочетающим публично-правовые и частноправовые элементы, и регулируется нормами различной отраслевой принадлежности. В результате анализа нормативно-правовых актов и судебной практики выявлены основные проблемы: ограничение свободы договора, терминологические несоответствия между существенными и обязательными условиями, сложности с изменением условий контракта, несоразмерность мер ответственности, а также необоснованные отказы заказчиков от приемки товара. Предложено использовать механизм волеизъявляющего судебного акта для разрешения споров о приемке товара, а также на уровне законодательства провести разграничения между существенными и обязательными условиями контракта. Сделан вывод, что ограничение свободы договора в сфере государственных и муниципальных закупок обусловлено приоритетом защиты публичных интересов, однако требуется баланс между императивными нормами и гибкостью правового регулирования для повышения эффективности контрактной системы.

Ключевые слова: договор поставки товаров для государственных и муниципальных нужд; контрактная система; императивные нормы; диспозитивные нормы; существенные условия; обязательные условия; волеизъявляющий акт приемки.

Для цитирования: Чуклова Е.В., Трифонов В.Н. Сочетание императивного и диспозитивного начал в правовом регулировании договорных отношений на примере договора поставки товаров для государственных и муниципальных нужд // Jus strictum. 2025. № 3. С. 35–41. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-4.

ВВЕДЕНИЕ

За почти 15-летнюю историю существования института государственных и муниципальных закупок на основе принципов конкуренции и эффективности расходования бюджетных средств они стали важнейшим инструментом обеспечения функционирования государства и муниципальных образований, эффективного расходования бюджетных средств, развития конкуренции и стимулирования инновационной деятельности. В условиях современной российской действительности вопросы правового регулирования договора поставки для государственных и муниципальных нужд приобретают особую актуальность, что обусловлено как масштабами государственных закупок, так и необходимостью обеспечения экономической безопасности государства. Пра-

вовое регулирование отношений, связанных с поставкой товаров для государственных и муниципальных нужд, осуществляется на основе значительного массива нормативно-правовых актов, включающего как общие нормы гражданского законодательства, так и специальные нормы законодательства о контрактной системе.

Публичные закупки отличаются от иных видов договорных отношений. Публично-правовые элементы проявляются в регламентированной процедуре заключения договора, целевом характере использования поставляемых товаров, источниках финансирования, особом статусе заказчика и ответственности сторон. Частноправовые элементы выражаются в принципах равенства сторон, свободы договора (хотя и ограниченной), автономии воли при заключении

договора. Некоторые авторы допускают применение альтернативных способов разрешения споров, в т. ч. при привлечении к ответственности по договорам с участием государства [1]. Другие исследователи рассматривают отдельные аспекты взаимовлияния правовых норм публичного права и норм, относящихся к гражданско-правовому регулированию, и приходят к выводу о некотором приоритете публично-правовых норм над гражданско-правовыми [2]. Ряд авторов отмечают такие особенности и дефекты нормативного правового регулирования, как неполнота правового регулирования [3], сложность и многоуровневость [4], специфическое регулирование и особая терминология [5]. Некоторые авторы говорят о возможности выделения государственных и муниципальных контрактов в особую самостоятельную группу сделок в силу особенностей юридического состава их заключения [6].

Отдельные исследователи рассматривают проблемы приемки в зарубежном законодательстве и отмечают, что в целях совершенствования отечественного регулирования можно обратить внимание на проработку критериев подразумеваемой приемки, а также механизм возмещающего судебного акта [7]. В иностранных публикациях при исследовании вопросов заключения государственных контрактов подчеркивается, что за последние несколько десятилетий договорное право стало весьма специализированным и разнообразным и что, хотя оно по-прежнему подпадает под общую теорию обязательств, но с каждым днем заявляет о себе все более интенсивно и рельефно в отдельных и конкретных положениях [8; 9]. Однако динамичное развитие законодательства и практики его применения обуславливает необходимость дальнейшего исследования данной проблематики. Как подчеркивается в [10], необходимо проводить изменения законодательства своевременно, с тщательным анализом действующих норм и судебной практики.

Несмотря на наличие большого количества исследований, остается нерешенной проблема, заключающаяся в отсутствии единого подхода к определению правовой природы договора поставки для государственных и муниципальных нужд, а также в противоречиях между императивными нормами Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (далее – Закон о контрактной системе) и принципами гражданского права, в частности свободой договора.

Цель исследования – комплексный анализ правовой природы, особенностей регулирования и проблем применения договора поставки для государственных и муниципальных нужд.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве основного метода исследования авторы использовали формально-юридический метод, позволивший проанализировать тексты нормативно-правовых актов для выявления терминологических несоответствий, противоречий и пробелов. Сравнительно-правовой метод исследования помог сопоставить подходы к регулированию договора поставки в частном и публичном праве, а также сравнить российское законо-

дательство с зарубежным опытом. Системный метод позволил провести анализ договора поставки для государственных и муниципальных нужд как элемента системы государственных закупок, взаимосвязанного с бюджетным, административным, антимонопольным законодательством.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Соотношение императивного и диспозитивного регулирования в контексте правовой природы договора поставки для государственных и муниципальных нужд

Договор поставки товаров для государственных и муниципальных нужд представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый между государственным (муниципальным) заказчиком и поставщиком, который выбран в результате проведения конкурентных процедур, установленных законодательством о контрактной системе. Отнесение договора поставки для государственных и муниципальных нужд к гражданско-правовым договорам отражено в нормах Закона о контрактной системе, но, несмотря на это, в науке нет единого мнения о правовой природе такого договора.

Рассматривая сочетание императивного и диспозитивного начал в регулировании института договора поставки для государственных и муниципальных нужд, следует отметить, что отсутствует единство мнений как при определении правовой природы самой договорной конструкции, так и при характеристике условий такого договора. Так, в юридической литературе существуют различные подходы к определению правовой природы договора поставки для государственных и муниципальных нужд. Согласно первому подходу, данный договор рассматривается как административный, поскольку одной из его сторон выступает государство в лице уполномоченных органов, действующих в публичных интересах [11]. Сторонники второго подхода считают, что данный договор является гражданско-правовым, несмотря на наличие публично-правовых элементов [12]. Третий подход предполагает, что договор поставки для государственных и муниципальных нужд сочетает в себе как публично-правовые, так и частноправовые элементы [13]. Ряд авторов квалифицируют такой договор как предпринимательский, и этим, по их мнению, объясняется повышенная императивность правового регулирования содержания таких договоров [5; 14].

На наш взгляд, наиболее обоснованным является комплексный подход, согласно которому договор поставки для государственных и муниципальных нужд представляет собой комплексный правовой институт, регулируемый нормами различной отраслевой принадлежности, а сам договор является результатом согласования публичных и частных интересов, что определяет его специфические особенности. Правовое регулирование отношений, связанных с поставкой товаров для государственных и муниципальных нужд, осуществляется на основе системы нормативно-правовых актов, анализ которых в первом приближении позволил отметить следующие особенности:

1) сочетание императивного и диспозитивного методов правового регулирования с преобладанием импера-

тивных норм, устанавливающих обязательные требования к процедуре заключения и исполнения договора;

2) многоуровневость правового регулирования, предполагающая иерархию нормативно-правовых актов, регламентирующих рассматриваемые отношения;

3) комплексный характер правового регулирования, включающий нормы различной отраслевой принадлежности (гражданского, административного, бюджетного, антимонопольного законодательства);

4) динамичность правового регулирования, выражающаяся в постоянном совершенствовании нормативно-правовой базы в соответствии с потребностями экономического оборота и практики применения законодательства.

При регулировании договорных отношений по поставке товаров для государственных и муниципальных нужд преобладают императивные начала. Заключение договора поставки для государственных и муниципальных нужд осуществляется в рамках контрактной системы и представляет собой многоэтапный процесс, включающий планирование закупок, определение поставщика путем проведения конкурентных процедур, формулирование условий договора, а также его заключение и исполнение. Уже на данном этапе можно обнаружить некоторые ограничения основополагающих принципов гражданского права, в частности принципа свободы договора.

Нормы Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) провозглашают свободу в заключении договора и запрет на понуждение к его заключению, кроме случаев, когда в соответствии с ГК РФ, иными законами или добровольно принятым обязательством заключение договора является для стороны обязательным (ст. 421 ГК РФ). В научной литературе раскрывается содержание этого принципа: право заключать или не заключать договор, право выбора контрагента, право выбора вида договора и право на формирование его условий¹ [15]. В Законе о контрактной системе можно найти отступления от каждого из указанных содержательных элементов. Так, например, законодательство о контрактной системе не предусматривает заключения договоров по схеме «оферта – акцепт». Вместо этого используются специальные процедуры: конкурентные (аукционы, конкурсы, запрос котировок) и неконкурентные (закупка у единственного поставщика). Конкурентные процедуры являются торгами, т. е. отличающимся формальностью способом заключения договора, сочетающим конкурентный отбор и открытость. Согласно ст. 447 ГК РФ, торги могут быть обязательным способом заключения договора, если это предусмотрено законом. Они обеспечивают прозрачность, равные условия для участников и стабильность результата. Основные правила торгов закреплены в ст. 447–449.1 ГК РФ. В сфере госзакупок конкурентные процедуры часто являются обязательными.

Особенностью заключения договора поставки для государственных и муниципальных нужд является то, что содержание договора в значительной степени определяется заказчиком в извещении (документации при наличии). При этом поставщик, принимая решение об участии в закупке, соглашается с условиями, установ-

ленными заказчиком, что ограничивает принцип свободы договора, характерный для гражданско-правовых отношений. В свою очередь, заказчик, определяя условия договора в извещении, связан императивными нормами Закона о контрактной системе в части формирования этих условий.

Законом о контрактной системе установлены жесткие требования к содержанию договора, в частности обязательному включению условий о цене, порядке и сроках оплаты товара, порядке и сроках приемки товара, порядке и сроках проведения экспертизы, ответственности сторон за нарушение обязательств, порядке расторжения контракта. Данные требования направлены на защиту публичных интересов и обеспечение эффективности расходования бюджетных средств.

В настоящее время и параграф 4 гл. 30 ГК РФ, и Закон о контрактной системе в основном содержат императивные предписания. Указанные предписания имеют прямое действие, не зависят от воли адресатов этих предписаний и должны исключать двоякое толкование, но это далеко не так. Нами были выявлены некоторые проблемы, в т. ч. возникающие в сфере реализации императивных норм. Остановимся на основных.

Проблемы соотношения императивных и диспозитивных норм в контексте отдельных этапов исполнения договора поставки для государственных и муниципальных нужд

Одной из ключевых проблем является вопрос о возможности изменения условий контракта. В соответствии с ч. 1 ст. 95 Закона о контрактной системе, изменение существенных условий контракта допускается только в случаях, прямо предусмотренных законом. Данное ограничение направлено на обеспечение стабильности договорных отношений и предотвращение злоупотреблений со стороны заказчика и поставщика. Однако в практической деятельности часто возникают ситуации, когда изменение условий контракта является объективно необходимым, но не предусмотрено законом, что создает трудности для участников контрактной системы [16].

Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал на недопустимость произвольного изменения условий государственного или муниципального контракта, в т. ч. в части цены, объема и сроков поставки товаров. Так, в одном из обзоров Верховный Суд РФ отметил, что «стороны государственного (муниципального) контракта по общему правилу не вправе заключать дополнительное соглашение, предусматривающее увеличение цены контракта более чем на 10 %. Условие дополнительного соглашения, увеличивающее цену контракта более чем на 10 %, является ничтожным, если иное не следует из закона»².

Здесь можно отметить некоторые терминологические несоответствия. Так, действующая редакция закона о контрактной системе упоминает два термина,

¹ Басин Ю.Г. *Избранные труды по гражданскому праву*. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 589 с.

² Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_218867/.

определяющие содержание контракта: существенные условия (терминология, соответствующая ст. 432 ГК РФ) и обязательные условия (ст. 34 Закона о контрактной системе). Согласно классификации существенных условий, представленной в ст. 432 ГК РФ, обязательные условия контракта представляют собой условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида. Но, например, упомянутая ранее ст. 95 Закона о контрактной системе указывает на то, что изменение существенных условий контракта при его исполнении не допускается, за исключением их изменения по соглашению сторон в некоторых случаях.

Если исходить из буквального толкования приведенных норм, то следует, что включать в контракт нужно обязательные условия, изменить можно только несущественные условия, а существенные – лишь в специальных случаях. Некоторыми авторами существенные и обязательные условия рассматриваются как синонимичные понятия [17]. В ряде случаев закон прямо указывает, какие условия договора являются существенными, и их отсутствие ведет к недействительности сделки (например, ст. 555, 654 ГК РФ). Если же существенные условия в договоре отсутствуют, то он считается незаключенным. Однако для государственных и муниципальных контрактов на поставку товаров по Закону о контрактной системе это правило не действует, если отсутствует обязательное условие, не относящееся к существенным по ГК РФ. По нашему мнению, существенные и обязательные условия не одно и то же. Существенные условия – это минимальный набор требований, без которых договор не может быть признан заключенным и отнесен к определенному виду. Обязательные условия вводятся для ограничения свободы договора и достижения целей законодательства, например для обеспечения конкуренции.

Таким образом, заказчики и поставщики в рамках контрактной системы наделены правом формирования модели поведения путем формулирования содержания договора на основании принципа свободы договора, но делают они это в рамках императивно установленных правил. Такое ограничение является необходимой упорядочивающей силой общественных отношений, возникающих при реализации государством или муниципальным образованием потребностей в товарах. Императивные предписания обеспечивают государственные интересы, но здесь встает вопрос о границах и степени вмешательства государства в частную сферу. Есть мнение, что императивные правила и ограничения не просто являются запретами, а фактически определяют, какие именно правоотношения считаются «правильными» и допустимыми [18]. Другие авторы отмечают, что участие государства в гражданско-правовых отношениях сочетает в себе частноправовые элементы, соответствующие ядру гражданской правосубъектности, и публично-правовые элементы, соответствующие природе государства. Такая двойственность позволяет государству эффективно участвовать в гражданском обороте и при этом сохранять свои государственно-властные функции [19].

Еще одной проблемой является вопрос об ответственности сторон за нарушение обязательств по договору поставки для государственных и муниципальных нужд. Есть точка зрения, что ответственность за нару-

шение порядка заключения государственного контракта имеет компенсационный характер [20]. Законом о контрактной системе установлены минимальные размеры неустойки за нарушение обязательств как для заказчика, так и для поставщика. При этом для поставщика предусмотрены более жесткие меры ответственности, что обусловлено необходимостью защиты публичных интересов. Однако на практике возникают ситуации, когда применение мер ответственности, предусмотренных законом, приводит к несоразмерному ущемлению интересов поставщика [21]. Суды в решениях указывают, что «неустойка может быть снижена судом при наличии мотивированного заявления заинтересованной стороны и доказанности ею обстоятельств, которые применительно к конкретной ситуации подтверждают несоразмерность неустойки последствиям нарушения обязательства и необоснованность выгоды кредитора»³.

Существенной проблемой является также вопрос о порядке приемки товара по договору поставки для государственных и муниципальных нужд. Законом о контрактной системе предусмотрена обязательность проведения экспертизы поставленного товара силами заказчика либо с привлечением экспертов, экспертных организаций. Однако на практике возникают ситуации, когда заказчик необоснованно отказывается от приемки товара, ссылаясь на его несоответствие условиям контракта, что создает сложности для поставщика и может привести к неоправданным расходам бюджетных средств [22].

Указанную проблему может решить механизм волеизъявляющего судебного акта, закрепленный в п. 4 ст. 445 ГК РФ, применительно к случаям, когда сторона, заключение договора для которой является обязательным, уклоняется от заключения. В этом случае контрагент может обратиться в суд с понуждением к заключению договора. Если применять данный механизм в случае, когда заказчик необоснованно уклоняется от приемки, которая является обязательным этапом исполнения государственного или муниципального контракта, это позволит считать приемку оконченной на условиях, которые будут указаны в судебном решении с момента вступления его в силу. Концепция волеизъявляющего судебного акта отражена применительно к заключению договора и урегулированию разногласий при его заключении в положениях постановления Пленума Верховного Суда от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»⁴. В нем указано на возможность приведения в резолютивной части решения суда условий договора, на каких этот договор будет заключен с момента вступления в силу решения. Каких-либо иных документов (обмен письмами, подписание двустороннего документа) в таком случае не требуется.

³ Решение от 20 января 2020 г. по делу № А28-5982/2019 Арбитражный суд Кировской области // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/TKjhtqs9iDdR/>.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/.

Применительно к отношениям по приемке товара по государственному или муниципальному контракту механизм возмещающего судебного акта обсуждается в основном в зарубежной литературе. Российская судебная практика по вопросам приемки товара складывается преимущественно по взысканию задолженности по государственным контрактам. Как правило, поставщики пытаются доказать необоснованный отказ либо уклонение заказчика от приемки товара (что не всегда удается) в рамках требований о взыскании задолженности⁵ или требований о признании незаконными отказа от приемки товара и решения об одностороннем отказе от исполнения государственного контракта⁶.

Таким образом, мы пришли к выводу, что степень вмешательства государства в частные правоотношения зависит от состояния экономики и уровня развития государственной политики. Закон о контрактной системе ограничивает принцип свободы договора, закрепленный в ГК РФ: он устанавливает обязательные способы закупок, фиксирует условия, которые должны быть включены в контракт, и ограничивает способы обеспечения исполнения обязательств (только обеспечительный платеж или независимая гарантия). Неустойка рассматривается как мера ответственности. Это позволяет утверждать, что в сфере госзакупок свобода договора реализуется ограниченно, несмотря на то, что государственные и муниципальные контракты относятся к гражданско-правовым договорам. Такое ограничение обусловлено приоритетом защиты публичных интересов над частными. К ним применяются нормы ГК РФ, если Закон о контрактной системе не предусматривает иное. Однако приоритет всегда остается за специальными положениями Закона о контрактной системе, в т. ч. при формулировании условий контрактов.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Договор поставки товаров для государственных и муниципальных нужд представляет собой комплексный правовой институт, сочетающий в себе публично-правовые и частноправовые элементы. Специфика данного договора обусловлена необходимостью обеспечения публичных интересов, что определяет особенности его заключения, исполнения, изменения и расторжения. Исследование развивает и обосновывает именно комплексный характер договора, подтверждая его регулирование нормами различной отраслевой принадлежности, что позволяет преодолеть односторонность предыдущих подходов.

Проанализировав исследования, в которых отмечается приоритет публично-правовых норм над граждан-

ско-правовыми, что подтверждается проведенным в настоящей работе анализом преобладания императивных норм в Законе о контрактной системе, а также исследования, где показана неполнота правового регулирования, что также нашло отражение в настоящем исследовании как одна из ключевых проблем, требующих решения, мы не только пришли к выводу о преобладании императивных норм, но и выявили терминологические несоответствия (существенные vs. обязательные условия), а также проблемы их реализации на практике, что ранее не было предметом комплексного анализа.

Таким образом, исследование позволило преодолеть односторонность предыдущих подходов, предлагая комплексный анализ правовой природы договора, а также развить и углубить вопросы, ранее затрагивавшиеся фрагментарно (терминологические несоответствия, проблемы приемки, баланс интересов), внести новизну в анализ соотношения императивных и диспозитивных норм, а также в сопоставление российского и зарубежного опыта. Работа является логическим продолжением и развитием существующих исследований [2; 5], предлагая более системный и комплексный взгляд на проблему.

Основными проблемами правового регулирования договора поставки для государственных и муниципальных нужд являются ограниченные возможности изменения условий контракта, непропорциональная ответственность сторон за нарушение обязательств, сложности в процедуре приемки товара. Для решения данных проблем необходимо совершенствование нормативно-правовой базы в направлении обеспечения баланса публичных и частных интересов, гибкости договорных отношений, уточнения порядка проведения экспертизы поставленного товара, а также внедрение практики возмещающего судебного акта как способа преодоления необоснованного отказа от приемки товара со стороны заказчика. Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности правового регулирования договора поставки для государственных и муниципальных нужд, обеспечению баланса интересов сторон и развитию добросовестной конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок.

ВЫВОДЫ

Договор поставки товаров для государственных нужд является комплексным правовым институтом, сочетающим публично-правовые и частноправовые элементы, что позволяет преодолеть односторонность предыдущих подходов (административный, гражданско-правовой) и объяснить специфику регулирования таких договоров.

Предлагается четко разграничивать понятия «существенные условия» (минимальный набор для заключения договора) и «обязательные условия» (вводимые для защиты публичных интересов). Это позволит устранить терминологическую путаницу и усовершенствовать правоприменительную практику.

Требуется разработать механизм возмещающего судебного акта (с опорой на зарубежный опыт), чтобы снизить риски необоснованного отказа от приемки товара и неоправданных расходов бюджетных средств.

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 13.01.2025 № 305-ЭС24-22741 по делу № А40-31567/2024 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=844966#vWi63vUSqJMEbW0x>.

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 05.11.2024 № 310-ЭС24-19290 по делу № А83-13980/2021 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=DF20F5231I849A7183BEB6A3B881BDB6&mode=searchcard&base=ARB&n=839048&BASENODE=IiLiMiwyMDMsOVJCOSiLiMiwyLEFSQiLiIg&rnd=Qj8gDA#n7s7yuUGI8W6aHZIL>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кутарова М.А. Медиация как альтернативный способ разрешения споров, возникающих из гражданских правоотношений // Гражданское право. 2023. № 1. С. 27–30. DOI: [10.18572/2070-2140-2023-1-27-30](https://doi.org/10.18572/2070-2140-2023-1-27-30).
2. Титов А.С. Правовые проблемы взаимовлияния гражданского и финансового права современного правоприменения // Финансовое право. 2024. № 7. С. 2–4. DOI: [10.18572/1813-1220-2024-7-2-4](https://doi.org/10.18572/1813-1220-2024-7-2-4).
3. Козлова Е.Б. Дефекты правового регулирования договорных отношений в сфере трансфера технологий // Цивилист. 2024. № 4. С. 44–53. EDN: [MEPCVO](https://www.edn.ru/MEPCVO).
4. Беляева О.А. Правовые проблемы аукционов и конкурсов. М.: Юриспруденция, 2011. 293 с.
5. Кирпичев А.Е. Закупки для нужд публичного сектора и система обязательственного права: терминология и выбор применимых норм // Закон. 2021. № 8. С. 52–66. DOI: [10.37239/0869-4400-2021-16-8-52-66](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2021-16-8-52-66).
6. Родионова О.М. Гражданско-правовые особенности государственных и муниципальных контрактов, заключаемых с использованием электронно-цифровых средств // Юрист. 2021. № 1. С. 23–29. DOI: [10.18572/1812-3929-2021-1-23-29](https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-1-23-29).
7. Костик К.И. Приемка результата работ во французском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2023. № 1. С. 257–276. DOI: [10.24031/1992-2043-2023-23-1-257-276](https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-1-257-276).
8. Collart Dutilleul F., Delebecque P. Contrats civils et commerciaux. France: Dalloz, 2019. 1082 p.
9. Faure-Abbad M. Droit de la construction. France: Gualino, 2016. 488 p.
10. Шереметьева Н.В. Изменения законодательства о государственных закупках июля 2023 г. // Российский судья. 2023. № 12. С. 2–5. DOI: [10.18572/1812-3791-2023-12-2-5](https://doi.org/10.18572/1812-3791-2023-12-2-5).
11. Мараев К.Е. Государственный контракт как особый вид административного договора // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 180–182. EDN: [OVKJFP](https://www.edn.ru/OVKJFP).
12. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2011. 780 с.
13. Андреева Л.В. Закупки товаров и энергосервисных работ для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2011. 316 с.
14. Кирпичев А.Е. Развитие правового регулирования муниципальных контрактов в законе о контрактной системе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 11. С. 22–26. EDN: [RGZOCZ](https://www.edn.ru/RGZOCZ).
15. Басин Ю.Г. Избранные труды по гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 610 с.
16. Белов В.Е. Поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: правовое регулирование. М.: Норма, 2011. 302 с.
17. Абдуллаев Р.Р. Существенные (обязательные) условия государственного контракта на выполнение подрядных работ для нужд органов внутренних дел // Хозяйство и право. 2023. № 8. С. 22–33. DOI: [10.18572/0134-2398-2023-8-22-33](https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-8-22-33).
18. Дмитрик Н.А. Частное, публичное, цифровое: в поисках системы координат для права // Закон. 2023. № 12. С. 15–28. DOI: [10.37239/0869-4400-2023-20-12-15-28](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-12-15-28).
19. Долинская В.В. Публичный партнер по законодательству о государственно-частном партнерстве: основы и проблемы правового статуса // Современное право. 2023. № 6. С. 28–33. DOI: [10.25799/NI.2023.18.15.005](https://doi.org/10.25799/NI.2023.18.15.005).
20. Шайхеев Т.И. Уклонение участника закупки от заключения контракта // Арбитражные споры. 2024. № 4. С. 7–8. EDN: [UUYIDM](https://www.edn.ru/UUYIDM).
21. Чваненко Д.А. Государственный контракт как особая модель гражданско-правового договора. М.: Юстицинформ, 2023. 276 с.
22. Кичик К.В. Государственный (муниципальный) заказ России. Правовые проблемы формирования, размещения и исполнения. М.: Юстицинформ, 2012. 260 с.

REFERENCES

1. Kutarova M.A. Mediation as an alternative means of resolution of disputes arising out of civil relations. *Civil Law*, 2023, no. 1, pp. 27–30. DOI: [10.18572/2070-2140-2023-1-27-30](https://doi.org/10.18572/2070-2140-2023-1-27-30).
2. Titov A.S. Legal problems of the mutual impact of civil and financial law within the framework of contemporary law enforcement. *Financial Law*, 2024, no. 7, pp. 2–4. DOI: [10.18572/1813-1220-2024-7-2-4](https://doi.org/10.18572/1813-1220-2024-7-2-4).
3. Kozlova E.B. Defects in the legal regulation of contractual relations in the field of technology transfer. *Civilist*, 2024, no. 4, pp. 44–53. EDN: [MEPCVO](https://www.edn.ru/MEPCVO).
4. Belyaeva O.A. *Pravovye problemy auktsionov i konkursov* [Legal problems of auctions and competitions]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2011. 293 p.
5. Kirpichev A.E. Public sector procurement and the system of law of obligations: terminology and selection of applicable rules. *Zakon*, 2021, no. 8, pp. 52–66. DOI: [10.37239/0869-4400-2021-16-8-52-66](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2021-16-8-52-66).
6. Rodionova O.M. Civil law peculiarities of state and municipal contracts concluded with the use of electronic and digital means. *Yurist*, 2021, no. 1, pp. 23–29. DOI: [10.18572/1812-3929-2021-1-23-29](https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-1-23-29).
7. Kostik K.I. Acceptance of result of works in french civil law. *Civil Law Review*, 2023, no. 1, pp. 257–276. DOI: [10.24031/1992-2043-2023-23-1-257-276](https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-1-257-276).
8. Collart Dutilleul F., Delebecque P. *Contrats civils et commerciaux*. France, Dalloz Publ., 2019. 1082 p.
9. Faure-Abbad M. *Droit de la construction*. France: Gualino Publ., 2016. 488 p.
10. Sheremeteva N.V. Amendments of laws on state procurements of July 2023. *Russian Judge*, 2023, no. 12, pp. 2–5. DOI: [10.18572/1812-3791-2023-12-2-5](https://doi.org/10.18572/1812-3791-2023-12-2-5).
11. Maraev K.E. Public contract as a special form of administrative contract. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2, pp. 180–182. EDN: [OVKJFP](https://www.edn.ru/OVKJFP).
12. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. *Dogovornoe pravo. Kniga vtoraya: Dogovory o peredache imushchestva* [Contract law. Second book: Property transfer agreement]. Moscow, Statut Publ., 2011. 780 p.
13. Andreeva L.V. *Zakupki tovarov i energoservisnykh rabot dlya federalnykh gosudarstvennykh nuзд: pravovoe regulirovanie* [Procurement of goods and energy service works for federal state needs: legal regulation]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2011. 316 p.
14. Kirpichev A.E. Development of the law regulation of local contracts in the law on contract system. *Zakony*

- Rossii: opyt, analiz, praktika, 2013, no. 11, pp. 22–26. EDN: [RGZOCZ](#).
15. Basin Yu.G. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected works in civil law]. Saint-Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 610 p.
 16. Belov V.E. *Postavka tovarov, vypolnenie rabot, okazanie uslug dlya gosudarstvennykh nuzhd: pravovoe regulirovanie* [Supply of goods, performance of works, provision of services for state needs: legal regulation]. Moscow, Norma Publ., 2011. 302 p.
 17. Abdullaev R.R. Essential (obligatory) terms of a state contract on performance of contractor works for the needs of internal affairs agencies. *Economy and law*, 2023, no. 8, pp. 22–33. DOI: [10.18572/0134-2398-2023-8-22-33](#).
 18. Dmitrik N.A. Private, public, digital: in search of a reference frame for law. *Zakon*, 2023, no. 12, pp. 15–28. DOI: [10.37239/0869-4400-2023-20-12-15-28](#).
 19. Dolinskaya V.V. Public partner according to the legislation about public-private partnership: fundamentals and problems of legal status. *Sovremennoe parvo*, 2023, no. 6, pp. 28–33. DOI: [10.25799/NI.2023.18.15.005](#).
 20. Shaykheev T.I. Evasion of a procurement participant from entering into a contract. *Arbitrazhnye spory*, 2024, no. 4, pp. 7–8. EDN: [UUYIDM](#).
 21. Chvanenko D.A. *Gosudarstvennyy kontrakt kak osobaya model grazhdansko-pravovogo dogovora* [Government contract as a special model of civil law contract]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2023. 276 p.
 22. Kichik K.V. *Gosudarstvennyy (munitsipalnyi) zakaz Rossii. Pravovye problemy formirovaniya, razmeshcheniya i ispolneniya* [State (municipal) order of Russia. Legal problems of formation, placement and execution]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2012. 260 p.

UDC 347

doi: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-4

The combination of the mandatory and dispositive principles in the legal regulation of contractual relations using the example of a contract for the supply of goods for state and municipal needs

Elena V. Chuklova^{*1}, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Private Law Department
*Vladimir N. Trifonov*², Deputy General Director

¹*Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

²*LLC Chirastom M, Moscow (Russia)*

*E-mail: elenachuklova@mail.ru

Received 14.05.2025

Revised 17.06.2025

Accepted 26.08.2025

Abstract: The paper considers theoretical and practical aspects of legal regulation of the contract of supply for state and municipal needs by studying the interaction of dispositive and mandatory rules governing social relations formalized within the contract of this type. The authors analyzed the legal nature and features of regulation of the contract of supply for state and municipal needs and the issues of its conclusion, execution and amendment. The study is caused by the lack of a unified approach in science to determining the legal nature of such a contract and the need to resolve contradictions between the mandatory norms of the Law on the Contract System and the principle of freedom of contract enshrined in the Civil Code of the Russian Federation. It is shown that the contract of supply for state and municipal needs is a complex legal institution combining public and private law elements and is regulated by rules of various industry affiliations. The analysis of regulatory legal acts and judicial practice identified the main problems: restriction of freedom of contract, terminological inconsistencies between essential and mandatory terms, difficulties with changing the terms of the contract, disproportionate liability measures, as well as unjustified refusals of customers to accept the goods. It is proposed to use the mechanism of a substitute judicial act to resolve disputes on the acceptance of goods, and to distinguish between essential and compulsory terms of a contract at the legislative level. It is concluded that the restriction of freedom of contract in the sphere of state and municipal procurement is caused by the priority of protecting public interests; however, a balance is required between mandatory norms and flexibility of legal regulation to improve the efficiency of the contract system.

Keywords: contract for the supply of goods for state and municipal needs; contract system; mandatory rules; dispositive rules; essential terms; compulsory terms; substitute act of acceptance.

For citation: Chuklova E.V., Trifonov V.N. The combination of the mandatory and dispositive principles in the legal regulation of contractual relations using the example of a contract for the supply of goods for state and municipal needs. *Jus strictum*, 2025, no. 3, pp. 35–41. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-3-62-4.

НАШИ АВТОРЫ

Гильманов Руслан Эдуардович, аспирант,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права.
Адрес: Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42.
E-mail: REGilmanov@ieml.ru

Маштаков Игорь Владимирович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент департамента частного права.
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: zavet4@rambler.ru

Латыпова Эльвира Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса.
Адрес: Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42.
E-mail: elatypova@ieml.ru

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии.
Адрес: Институт государства и права Российской академии наук,
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Трифонов Владимир Николаевич, заместитель генерального директора.
Адрес: ООО «Хирастом М»,
115477, Россия, г. Москва, ул. Деловая, 11, пом. 207.
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Тухватуллина Катрин Марсовна, лаборант
кафедры уголовного права и процесса.
Адрес: Нижнекамский филиал Казанского инновационного университета
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
423570, Россия, г. Нижнекамск, пр-т Шинников, 44 «б».
E-mail: kidga4@gmail.com

Чуклова Елена Валериевна, кандидат юридических наук, доцент,
доцент департамента частного права.
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: elenachuklova@mail.ru

OUR AUTHORS

Chuklova Elena Valerievna, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of of Private Law Department.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Gilmanov Ruslan Eduardovich, postgraduate student,
lecturer of Chair of Theory and History of State and Law.
Address: Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML),
420111, Russia, Kazan, Moskovskaya Street, 42.
E-mail: REGilmanov@ieml.ru

Latypova Elvira Yurievna, PhD (Law), Associate Professor,
Head of Chair of Criminal Law and Procedure.
Address: Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML),
420111, Russia, Kazan, Moskovskaya Street, 42.
E-mail: elatypova@ieml.ru

Mashtakov Igor Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Private Law Department.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: zavet4@rambler.ru

Rossinskiy Sergey Borisovich, Doctor of Sciences (Law), Professor,
chief researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology.
Address: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
119019, Russia, Moscow, Znamenka Street, 10.
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Trifonov Vladimir Nikolaevich, Deputy General Director.
Address: LLC Chirastom M,
115477, Russia, Moscow, Delovaya Street, 11, office. 207.
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Tukhvatullina Katrin Marsovna, department assistant
at the Chair of Criminal Law and Procedure.
Address: Nizhnekamsk branch of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML),
423570, Russia, Nizhnekamsk, Prospekt Shinnikov, 44 b.
E-mail: kidga4@gmail.com

Фото на обложке: А. Чернявский.